

Анатолий Стрикунов

**ЗОЛОТЫЕ
ЦИКАДЫ
СБРАСЫВАЮТ
КОЖУ**

Анатолий Стрикунов

Золотые цикады сбрасывают кожу

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5390925

Аннотация

Молодая актриса Александра Ланская решает отомстить мужу за измену с юной красавицей. Составлен план, кажущийся легко осуществимым. Но едва начав действовать, актриса попадает в мир криминала, в ситуацию смертельно опасную, выпутаться из которой непросто. Жизнь не кино, где вымазанные кетчупом герои легко расправляются с мерзкими негодяями. Жизнь непредсказуема: разве могла Александра предвидеть, что окажется похожа на известную бизнес-леди и что роковое сходство заставит ее метаться, как зайца, спасающегося от гончих псов. Только вместо собак Александру преследуют головорезы, получившие указание уничтожить бизнес-леди – двойника Ланской.

Вынужденная противостоять насилию и цинизму, героиня открывает в окружающих «нерентабельные», «несовременные» чувства дружбы, самопожертвования, душевного благородства.

В романе хватает сюжетных поворотов, криминальных коллизий, но что-то не дает быстренько приклеить к нему ярлык

«сентиментальный или иронический детектив» или «женский роман».

Автор балансирует на стыке жанров, словно дельтаплан, парящий в воздушных потоках, неожиданно меняющий направление и высоту.

Цикада по-японски – «уцусэми», этим же словом обозначается земная жизнь. Может, здесь ключ к теме романа?

«Осенью весь слух заполняют голоса цикад... И кажется, не плачут ли они об этом непрочном и пустом, как скорлупа цикады, мире?», – вольный перевод японским классиком цитаты из стихотворения Бо Цзюй-и.

Знакомый с китайской и японской философской лирикой сразу понимает: автор «Цикад» обозначил систему координат романа. На одном полюсе высокомерная Вечность, перед которой одинаково ничтожны и жизнь, и смерть, равнодушная к метаморфозам мира. На другом – чудо человеческой души, ее величие, бесконечное путешествие этой светящейся песчинки в мироздании. И наступают мгновения, когда Вечность склоняет голову перед песчинкой...

Содержание

Из дневника А. Ланской, 15 апреля	6
Коллекционер сюжетов	42
Из дневника А. Ланской, 16 апреля	46
Идущий путем воина	52
Тетрадка без обложки в синюю клеточку	61
Инна + Леша = Л...	69
Игрушка Высших Сил	72
Из дневника А. Ланской, 17 апреля	80
Горький шоколад лысого музыканта	106
Жених высокого полета	113
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Анатолий Стрикунов

Золотые цикады сбрасывают кожу

Все имена, фамилии, прозвища действующих лиц, равно как и названия городов, аэропортов, улиц, фирм, политических партий, гостиниц, и т. д. вымышлены.

Любые совпадения случайны...

Из дневника А. Ланской, 15 апреля

Когда это произошло, то измена Макса вдруг сделалась совсем неважной. Вышла из кафе на улицу. Спускаюсь по ступеням крыльца. Из стоящей длинной иномарки мужской рык:

– Сучка, тебе что было сказано? Почку хочешь отдать?

Я остолбенела, а какой-то здоровенный ублюдок высунулся из машины, схватил своей клешней за рукав и тянет в салон. Но парню немного не повезло: девушка успела чуть согнуть левую опорную ногу и впечатала каблук правой в «морду лица». В ДСШ моя специализация была бег с барьерами, и удар ногой мало отличается от удара копытом лошади. Все произошло молниеносно: мужик улетел в салон, а я метнулась за угол и вниз по переулку к парку. Интуиция подсказывала, фора есть максимум секунд в двадцать. По дороге вспоминаю, как мы девчонками прятались под мостом, добежала до него и, перемахнув перила, скатилась по склону. Расслышала усиливающийся рев мотора. Теперь главное успеть взбежать по каменному настилу под самый мост и там затаится. Кажется, успела. Сердце стучало, будто кто-то молотком гвозди заколачивал. Вверху закрипели тормоза и на мосту, или рядом с ним, остановилась машина. Наступила тишина. Я не разбираюсь в телепатии, но твердо знаю одно: не хочешь быть обнаруженной – не думай о пресле-

дователях. Приказываю себе вообразить клумбы с цветами. Красивыми лиловыми и желтыми цветами. Над ними порхают ярко-оранжевые бабочки, очень большие с темно-бордовыми крыльями. Золотисто-пурпурные круги и серебристые полосы украшают полупрозрачные крылья, теплые солнечные лучики освещают клумбы, дома, гуляющих детей...

Грубый мужской голос прозвучал прямо над головой:

– Или эта сучка под мостом, или успела добежать до парка и сидит за каким-нибудь деревом.

Холодею, но мысленно продолжаю повторять:

– Светит яркое солнышко, порхают прекрасные бабочки, чудесно пахнут красивые цветы.

Кто-то тяжело спрыгнул с перил на склон и сбежал вниз на асфальтовую дорожку. Я увидела огонек сигареты и закрыла глаза:

– Чудесные цветы ласкает теплое солнышко, нежные крылья бабочек создают волшебный ореол...

– Нет там никого, – объявил мужской голос снизу, и стали слышны шаги поднимавшегося по откосу человека.

– Блин, смылась.

Потом хлопнули дверцы, завелся мотор и машина уехала. Стало легче дышать, но страх и тревога остались. На всякий случай надо обождать минут десять. Интересно, за что преследователи так ненавидят меня? То есть, девушку, на которую я похожа. Как он прорычал: «Сучка, тебе что сказано?». А потом дикая угроза забрать почку.

Может девушка совершила недозволенное? Нарушила некую договоренность? Но все равно, поведение мужика – нечеловеческое. Есть, правда, еще вариант: мужик – обкуренный дегенерат и насильник. И тогда обвинение, угроза – всего лишь трюк, ширма, прикрывающая попытку изнасилования. Ублюдку понравилась незнакомая яркая блондинка, поздний час, хочется развлечься на халяву. Бывает и такое, подонков хватает.

Зимой приятельница гуляла с дочерью и мужем в центре. Довольно рано, около десяти вечера. Впереди шла девушка. Тормозит иномарка, выскакивает мужик и заталкивает девчонку на заднее сиденье. Муж приятельницы бросился на помощь, но все произошло так стремительно, даже не успел добежать до машины.

Позвонили в милицию, но толку-то – номер в темноте не разглядели. Мне Галка рассказала об этом на следующий день, было заметно, что шок от увиденного еще не прошел.

Ноги затекли, и я решила, что у страха глаза велики, пора вылезать. Спустилась вниз на набережную и двинулась не к парку, а в сторону Верхнего города, троллейбусы еще ходят, а до Алены всего четыре остановки.

Не прошла и полсотни метров, как вдруг необъяснимое волнение заставило оглянуться: длинная иномарка мчалась по мосту. Автоматически перешла на легкий галоп. Пройдет минута и «Птеродактиль», сделав крюк, появится на углу улицы, идущей параллельно набережной. По-другому быть

не могло, раз они не остановились на мосту. Чуть замедлила бег, успокаивая дыхание. Если продолжать двигаться вдоль набережной, парни настигнут меня в районе второго моста. Если бежать вверх через сквер, примыкающий к театру, то встреча с машиной произойдет через 5 минут. Нет, раньше. Если у них есть оружие, шансы убежать сводятся к нулю. Судя по мощи и агрессивности урода, тащившего меня в машину, драться бесполезно.

Мысли лихорадочно метались, но тело бывшей спортсменки готовилось к рывку. Оно само круто изменило маршрут, и, вопреки логике, я сделала ускорение вверх по газону – к дороге, туда, где через минуту должна была появиться машина с преследователями.

Выбежала на тротуар, молнией пересекла улицу и нырнула в арку. В середине двора в темноте споткнулась о детскую песочницу, но упала удачно – на руки и, поднявшись, продолжила бег. За спиной нарастал уже знакомый рев двигателя. «Птеродактиль» пронесся мимо арки. Через 20–30 секунд ребята поймут, что жертва поменяла маршрут, а дальше все будет зависеть от интуиции. В лучшем случае преследователи остановятся, и будут искать меня в сквере. В худшем – догадаются, что беглянка успела прошмыгнуть в арку двора, пересечь его и очутиться на Островского. А там единственный вариант маршрута: вверх к Дому Мод.

До момента, когда я очутилась на Островского, бежала удивительно легко, не ощущая ни выпитого, ни усталости.

Но где-то на периферии сознания уже появилась мысль, что совсем скоро легкость исчезнет, а на смену придут страх и усталость. Улица поднималась на холм, свернуть и спрятаться в каком-нибудь дворе нереально: двери подъездов закрыты, разве что в мусорный контейнер залезть?

Метров шестьсот осталось позади, когда за спиной вновь стал слышен рев мотора. Преследователи видимо догадались, что потенциальная жертва воспользовалась аркой и не стала прятаться во дворе. Теперь начнется другая игра.

Автомобиль догнал меня, когда до здания Дома Мод осталось метров сто. Сбавляю обороты и бегу в среднем темпе, сохраняя силы для рывка. Иномарка не остановилась, а, притормозив, ехала следом.

Передняя дверца приоткрылась и знакомый урод, хохотнув, крикнул:

– Эй, сучка, не устала?

Продолжаю бежать, но через несколько секунд содрогнулась от ужаса – на месте прохода между «Электроприборами» и Домом Мод красуется огромная железная решетка. Она соединяет два здания и, скорей всего, открыта только днем. Лет пять назад я регулярно заскакивала на огонек в мастерскую дизайнеров (она находилась в полуподвальном помещении), поэтому и само здание и ведущие к нему дорожки знаю отлично. Дизайнеры сотрудничали с Театром Моды, и общих тем было предостаточно. Но уже давно незнакомые фирмы арендуют помещения, нет ни театра, ни дизайнеров.

Все-таки свернула к зданию и бегу вдоль стены, как бродячая собака, это хоть на десяток метров, но увеличило расстояние между мной и преследователями.

Обогнув угол Дома Мод, миновала площадку с фонтанами перед стеклянным фасадом, снова повернула и опять сюрприз – стена! Мчусь прямо к ней, так как других вариантов просто нет. Иномарка свернула с дороги, пересекла газон и поехала следом. Свет фар освещал стену, и моя гигантская тень на светлых цементных плитах стремительно уменьшалась до размеров нормального человека. Подбегая к стене, инстинктивно бросила взгляд налево, направо и рванула к железным воротам, соединявшим стену и здание Дома Мод. Они были немного ниже. Я птицей перемахнула ворота и скатилась по ступенькам, ведущим в полуподвал. Знакомая деревянная дверь. Плотно прижимаю ладони к средней части двери и пробую выдвинуть ее вверх, как крышку школьного пенала. О чудо! за несколько лет никто не заколотил ее намертво. Доска поддается, и я мгновенно ныряю в темный проем, продолжая поддерживать деревянную панель. Очутившись за дверью, осторожно, стараясь не шуметь, опускаю панель на место. Теперь штифты. Нащупала их, задвинула. Все четыре. Ура! Слава советскому дизайну!

Я стояла в крошечной темноте между двумя дверями, и волны радости неслись по телу. До ужаса захотелось танцевать, но время и место позволяли только кривляться в беззвучном припадке веселья и слегка потряхивать ладошками

возле щек.

– Ну и что? Хорошо тебе там, а? Сучка! А ну вылазь! – казалось, говоривший находится прямо за дверью.

Я замерла. Тишина длилась долю секунды, а потом раздалось глухое рычание, и залаяла собака.

– Ни хрена себе! Да куда она делась? – В голосе уроды сквозило изумление. Наверное, силился понять, куда девалась жертва. Видимо преследователь влез на железные ворота, а с них перебрался на стену. Но на землю мужик не торопится спрыгивать. Наверняка стоит и сверху осматривает территорию. Что, урод, тебе видно? Судя по низкому басовитому лаю, за стеной крупный ротвейлер или мощная овчарка. Встреча с ней не вдохновляет. Еще сверху отлично видна та самая гигантская железная решетка, блокирующая проход между двумя зданиями, 15–20 метров асфальтовой дорожки вдоль стены. Конечно, урод видит ступеньки, по которым я летела минуту назад и, конечно же, спустится по ним. И обнаружит крепкую дверь. Без ручки. Попробует подцепить ногтями и убедится, что заперто изнутри. А еще парень увидит слева на уровне колен небольшую фрамугу, интересно открыта ли она? Теоретически через окно можно проникнуть в мастерскую.

– Ну что там?

Незнакомый голос. Видимо водитель. Ответа не последовало. Я услышала как первый урод слез на землю и прошелся по дворику. Лай сразу прекратился.

– Тут негде спрятаться! Только форточка открытая.

Звук шагов раздался в каких-нибудь полутора метрах. Мужик обладал незаурядной интуицией, слышалось скребанье ногтей по дереву.

– Дверь закрыта, – сообщил он второму уроду. И через паузу:

– Форточка открыта, но я, например, в нее не пролезу (скрип фрамуги). Только одно плечо и голова.

По тону комментария можно было догадаться: ощущает себя спелеологом, совершающим опасные изыскания в глубинах пещер.

– Это, Вова, у тебя жопа не пролезает, – заржал водитель, – ты ее всегда с головой путаешь.

– Да пошел ты! – Вова явно обиделся. – Сам лезь и ищи.

Шум удаляющихся шагов. Удар по железной двери. Значит перемахнул. Опять злобно залаяла собака. Прошло минуты две, не меньше. Вдруг опять над головой раздался голос:

– Пойдем, сторожа поищем. Не могла же тварь сквозь землю провалиться.

Тупой удар башмаков о землю и все стихло. Овчарка перестала лаять.

Я по-прежнему стояла, как вкопанная – всего несколько минут назад уже совершена ошибка, и расплачиваться пришлось идиотским бегом по ночным улицам. Второй раз, как известно, на одни и те же грабли нравится наступать только

бледнолицему дураку, и то в анекдоте. Лучше до утра простоять за дверью, но не оказаться в лапах ублюдков.

Внезапно железные створки второй двери, ведущей в коридор, распахнулись, и в глаза мне ударил яркий сноп света.

– Что ты тут делаешь?

Слова были произнесены с угрожающей интонацией, но голос мужчины показался удивительно знакомым.

– Я сейчас все объясню, только говорите, пожалуйста, тише и погасите фонарь.

– Приказывать здесь буду я. В случае невыполнения команды (щелчок передернутого затвора), стреляю без предупреждения. Руки за голову, два шага вперед. Направо, по коридору, быстреей.

Я послушно обхватила голову руками и двинулась по коридору. Фонарь в руках мужчины дернулся и на секунду осветил его лицо. В то же мгновение где-то далеко позвонили в дверь.

– Томкинс! – я выдохнула это непривычное для русского уха имя и повисла на шее незнакомца. – Томкинс, миленький, какое счастье, что это ты!

От неожиданности он вздрогнул, но быстро овладел собой и на удивление спокойно уточнил:

– Сандра?

– Сейчас все объясню, только погаси фонарик, я боюсь.

Он, помедлив, выключил фонарь. В коридоре царил полумрак, метрах в четырех за поворотом брезжил тусклый свет,

лившийся из фойе первого этажа.

– За мной гонятся какие-то подонки. На машине. Парни видели, как я пробежала мимо служебного входа, но не знают, перелезла ли через железную калитку или спрыгнула на территорию, где эта собака несчастная гавкает. Понимаешь?

– Не понимаю. Ну и ладно. Это они звонят?

Звонок на служебном входе трещал, не умолкая, похоже вставили спичку.

– Да. Один из уродов говорил, что надо найти сторожа. Спрячь меня, пожалуйста.

Томкинс повернулся и стремительно пошел по коридору в противоположную сторону. Я услышала звяканье ключа и через мгновение очутилась в столярке или, говоря официально, в деревообрабатывающей мастерской.

– Тебя можно будет разглядеть только из окна, поэтому оставайся за станком, – прошептал Томкинс, – и никому не открывай. Ключ есть только у меня. Пока.

Дверь закрылась, негромко щелкнул замок. Глаза уже привыкли к темноте. Я подошла к станку и села на кучу стружки. В тишине надрывался звонок. Потом умолк.

Прошло совсем немного времени, и послышался звук шагов и голос Томкинса.

– Вот, пожалуйста, дверь помещения с открытой форточкой. Если хотите, можете взламывать. Но у них своя печать, утром будут проблемы. Это же коммерческое предприятие, директор потребует компенсацию.

– Ну и хрен с ней. – Я сразу узнала тембр голоса Вовы. В дверь несколько раз сильно ударили.

– Это же мультлоковская¹. Нужен лом. Ее только со стеной высадить можно!

Даже за стальной дверью легко угадывалось, что урода душит злоба.

Еще один мощный удар в дверь. Потом захохотал водитель:

– Вова, ну ты, блин, Ояма².

Удары прекратились.

– Вы можете связаться с директором, пускай даст указание рабочим, привезут ключи? – предложил Томкинс.

– А если там никого нет? – водителя, похоже, раздражала необходимость заниматься чужой работой, – ладно поехали. Завтра дома или на кастинге достанем.

Звук удаляющихся шагов.

Я на цыпочках подошла к вешалке, сняла рабочий халат и застелила им, как простыней, стружку. Тихонько улеглась и с наслаждением вытянула ноги. Как на сеновале. Вспомнив предупреждение Томкинса, мысленно провела прямую от левого края фрамуги до станка и на всякий случай свернулась калачиком. Скрестила ладони – тыльная сторона к тыльной, и сцепила мизинцы. Не знаю почему, но когда так

---

¹ Известная израильская фирма.

² Ояма Масутацу, легендарный японский каратист, основатель стиля Кеокушинкай.

делаю, то быстро засыпаю. Минута, другая и возникло блаженное состояние полудремы.

Свет фонаря неожиданно осветил помещение и, скользя по шкафу, прошелся по станку, заметался по полу. Потом остановился у двери и погас. Вновь вспыхнул, но на этот раз стал методично обшаривать каждый сантиметр пола, словно надеялся что-то найти.

Возникло ощущение будто сканер пронизывает, снимает информацию со всего помещения, вот-вот очередь дойдет до места, где свернулась калачиком девушка с платиновой гривой волос. Луч осветил доски, лежащие за станком, потом фонарь выключили. Я продолжала лежать, вся обратившись в слух. Снова залаяла собака, скорей всего Вова не мог унять свой исследовательский зуд и начал скрупулезно освещать территорию за стеной...

Проснувшись от прикосновения к плечу и несколько секунд пыталась сообразить где нахожусь и кто этот негромко смеющийся мужик. Полумрак, лунный свет, струящийся откуда-то сверху.

Разом вспомнив все, вскакиваю, готовая драться, кусаться, бежать. Мужик стал хохотать уже во весь голос и, наконец, сообразила – это мой спаситель Томкинс собственной персоной.

– Пойдем-ка отсюда, девчонка, только халатик чужой повесь. А то твои «друзья» ребята резкие, стукнет в головку, возьмут и вернуться.

Я послушно повесила халат, отряхнув его от стружек, и мы вышли в коридор. Томкинс закрыл дверь, достал из кармана печать и, приложив к двери суровую нитку, вдавил ее кругляшом в пластилин.

– Для особо одаренных.

Пройдя по коридору мы свернули направо и очутились на лестничной площадке. Поднимаясь по ступеням, я неожиданно больно стукнулась носом о затылок Томкинса – проводник застыл, как изваяние.

С минуту постояли, всматриваясь в огромный холл Дома Мод. Люющийя с улицы сквозь огромные стеклянные панели свет создавал настроение волшебной сказки: группки манекенов, разбросанные по залу, конторки служащих, примерочные, декоративные растения, мебель, узоры витражей, а за стеклами – пустынная городская улица.

Наконец, Томкинс взял меня за руку и двинулся дальше, вдоль стены, стараясь побыстрее миновать освещенное пространство, и вскоре мы нырнули в какую-то дверь. Тут стояла крошечная темнота. Проводник отпустил мою руку и, повернувшись, захлопнул дверь. Щелкнул выключатель, и я сначала зажмурилась, а потом стала нервно хихикать: в центре просторной комнаты висела голубая двухметровая горилла, одетая в темно-коричневый костюм и белую шляпу, она покачивалась, словно воздушный шар. Лапами в зеленых перчатках горилла сжимала бутафорскую кинокамеру, а на стеллажах вдоль стен стояли видеокассеты.

– Ты отдыхай, расслабляйся. Видик включи. Этот салон – моя территория. До утра. Скоро вернусь, сделаю обход.

Он исчез, клацнув складной металлической дубинкой, как затвором винчестера. Я опустилась в мягкое кресло и попробовала расслабиться. Хорошо, что существуют жалюзи, не пропускающие свет.

Томкинс всегда отличался непредсказуемостью. То идеальный ученик, то вдруг окна директору школы разобьет. То в подворотне со шпаной все вечера проводит, а потом вдруг на Новый год шампанское не пьет – бросил. Последние годы мы с ним видимся редко, узнаем друг о друге через знакомых. Из театра уволился, зарабатывает деньги на романах. Но что в сторожа подался – это новость.

Вообще его Юрием зовут. Юрка Абрикосов. Томкинс – псевдоним. Автор ведь не выбирает ни имя, ни тему романа, скажут – детектив, напишет детектив. Скажут – «женский», «эротика», будут «охи-ахи-вздохи-трахи». Действие происходит за границей? Значит герои – Майклы-Мери, Сьюзен-Джерри.

Хитрости рынка. Иначе рухнет Великая Иллюзия. Любуются, например, читатель Коля Иванов названием детектива «Огненный лев с 47-ой авеню против Черной пантеры». А фамилия автора – Абрикосов. Нравится Коле книжечка про суровые разборки американских гангстеров, хочется господину Иванову про их нравы звериные побольше разузнать. А фамилия автора – Абрикосов. У серьезной книги об аме-

риканской мафии может быть автор с такой фамилией? Нет, конечно. И отходит от книжного прилавка угрюмый читатель Коля. И чтоб впредь такого безобразия не случилось, говорит редактор издательства писателю Юре Абрикосову: «А не сообразовали ли Вы, господин писатель, англоязычный псевдоним подыскать?».

– Собогаоволю, – декларирует доброе намерение рыцарь пера, небрежным росчерком превращая себя в Бобби Томкинса.

И чудненькая картина предстает нашему взору. Лежит на книжной витрине «Огненный лев с 47-ой авеню против Черной пантеры» Бобби Томкинса. Подходит читатель Коля к прилавку и, умиленно щурясь, шепчет: «Я не ошибся, это Томкинс, что «Кровавый Джон идет по следу» написал?».

И обольстительная брюнетка продавщица, смахнув невольную слезу, тоже, естественно, поклонница плодовитого автора, подтверждает: «Тот самый! Вы не ошиблись – он! Что «Кровавого Джона» и «Кудрявую смерть»! И немедленно приобретает «Огненного льва» господин Коля.

До пятого класса мы с Юркой сидели за одной партой, но взрослая жизнь разбросала.

Я всегда немного настораживаюсь, когда встречаю Бобби, у него специфическая манера воспринимать людей. Внешне все как обычно: поглаживает бородку, иногда берет красную ручку и делает пометки в блокнотике. Но весь фокус в том, что на собеседника Юрке чихать. Слушает же с удо-

вольствием, можно сказать, внемлет, так как сюжеты выискивает. Впрочем, любой настоящий профессионал немного маньяк.

Например, идем с ним, на перекрестке светофор замигал и красный зажегся. Машины сразу остановиться не могут, мчатся потоком, как речка горная. Вдруг на той стороне улицы парень, в коричневой кожаной куртке и светло-серых брюках, выскакивает на дорогу. Я только успела заметить, как он взлетел над капотом и распластался на асфальте. Рядом с головой словно желтую краску разлили.

Сразу отворачиваюсь и быстро ухожу: не могу видеть катастрофы, трупы. Это у меня с детства, всегда не любила фильмы о войне. А Томкинс: – Подожди, – кричит. Блокнотик достал, колпачок на ручке китайской отвинтил и что-то чирикает.

– Пойдем быстрее, – говорю, – отсюда.

– погоди, надо записать, – лучезарно улыбается Бобби, – а то забуду. Чудесный сюжет. Парень отбывает наказание в колонии за расправу над насильником. Отомстил за любимую девушку. Подруга ждет его, храня верность. Отсидев, возвращается в город, спешит на свидание. Девушка стоит под большим циферблатом старинных городских часов и видит возлюбленного, выскакивающего на проспект прямо перед несущимся на бешеной скорости «Мерсом». Цветы рассыпались. Алые тюльпаны на асфальте, будто веер гейши, – продиктовал сам себе Томкинс и, захлопнув блокнот, зато-

ропился. – Пойдем быстрее, а то закроют, уже полтретьего!

И всю дорогу про сюжет говорил, успокоиться не мог. Прямо как ягд-терьер, сплошной адреналин. В нашем дворе есть пес этой породы. Как-то загнал на дерево кошку, но уку- сить не успел. Попробовал на дерево вскарабкаться – не вы- шло. Так терьер – хлоп, и в обморок. Юрка и внешне на него похож, быстрый, черные волосы, а вот недельная небритость почему-то рыжая. Только седины многовато.

Легок на помине: дверь открылась, почти бегом влетает Бобби, включает видик, вставляет компакт:

– Помнишь, мы спорили о разнице между эротикой и пор- нухой?

Плюхается в кресло, вытряхивает из пачки беломорину.

Это еще одна особенность Томкинса: если разговор пре- рвали, и вы встретитесь через год, Юрка продолжит мысль с того же места, как будто прошло пять секунд.

– Сейчас увидишь порно чистой воды.

Примитивность увиденного ошеломляет. Безумно убого! Даже если очень стараться, так пошло снять не получится!

Бобби слушает внимательно, но его выдает лихорадочный блеск глаз. Я умолкаю, и он с видимой неохотой заворачивает колпачок на своей ручке.

– Чай?

Томкинс ушел в другую комнату, там видимо кипятиль- ник. Вернулся, хихикая, как злой клоун.

– Да, старуха, ты меня раскусила. Ничего не рассказыва-

ешь.

– В некоторых странах хирургов отстраняют от работы, если у них появляется во время операций блеск в глазах. Подобный блеск характерен для мастеров отечественного детектива. Не находите?

Томкинс насупился:

– Не нахожу.

– Юрка, ты что? Не вздумай обижаться. Это же комплимент. Шопен партитуру на манжетах записывал. Любой талант немного вне нормы. Ты Ван Гога вспомни, как он себе ухо отхватил? Мисима, Достоевский, Вийон – парад диагнозов.

Лицо Томкинса светлеет.

– Ладно. Прощаю. Жанр диктует, профессиональная деформация сознания.

Юрка подошел к полке, порылся и достал еще один компакт.

– Чай заваривается, а ты пока наслаждайся.

Опять пошли кадры, где полуобнаженные люди, двое мужчин и две женщины, «занимались любовью». Грубо, как гвоздем по стеклу. Вязка собак на этом фоне выглядит «Лебединым озером».

Вернулся Томкинс и на мое «фи» отреагировал страстным монологом:

– Ваш покорный слуга имел честь находиться в рядах доблестных защитников Отечества. Напомню, отпуск солдату

дается не часто. И вот представь себе некоего Ваню или Петю или Колю, здоровенного парня двухметрового роста, вернувшегося в часть после десятидневной побывки. Ночная казарма. Слышен одинокий, слегка возбужденный голос отпущника. Понимаете ли вы, мадам, душу защитника Отечества? – Томкинс возвысил голос. – Нет, вам не понять трепетное сердце солдата, а потому излагаю в протокольном варианте. Ваня-Петя-Коля приближается к ней. Целует. А затем, цитирую: «Они как затрещат! А она как закричит!».

Меня возмущает, коробит, я не нахожу слов! Томкинс, разгорячившись, взбирается на стол и продолжает монолог, стоя на коленях:

– Интеллектуальная парализованность интеллигенции. Ты смотришь и в очах недоумение и негодование: «Как можно?! Где же духовность? Где идеалы добра и красоты? Где разумное, доброе, вечное?!».

Любопытно наблюдать, когда Бобби кипятится. Голос меняется, в нем появляются чудные, глубокие ноты и вместо хитроватого парня перед вами совершенно очаровательный человек. Правда, несущий чушь.

Видимо он перед моим приходом выпил крепкого чая и сейчас «заторчал».

– Я отвечу, где разумное, доброе, вечное. Но сначала скажите, что «трещало» и кто «кричал»?

После небольшой паузы высказываю робкое предположение:

– Кричала, по всей вероятности, дама.

– Совершенно справедливо, а «трещало»? – не унимается Бобби.

– Может быть кровать или пол? – Я умолкаю, видя торжество на лице приятеля.

– Волосы! Волосы трещали! – победно орет Томкинс. – Волосы на гениталиях дамы!

Он спрыгивает со стола и начинает возбужденно носиться из угла в угол, продолжая обличительный монолог.

– Ты же художник, в широком смысле этого слова. По крайней мере, мнишь себя таковым. Как же ты могла не ощутить столь важной детали в рассказе солдата?! – Томкинс опять вскочил на стол. – Но, если я в новелле о доблестном герое подробно опишу треск волос, то тысячи читателей воскликнут: «Это не искусство». А именно это и есть самое неподдельное искусство, та самая деталь, с которой оно, искусство, начинается! Конечно, вы господа – ценители прекрасного. И хотели бы именно его, прекрасное видеть! Но то, что с вашей колокольни прекрасно, с точки зрения немца, снявшего этот порнофильм – дерьмо, не стоящее выеденного яйца. И наш парень, честный прямой солдат Иван с ним, с этим Гансом, Фрицем или Хельмутом, солидарен. И с наслаждением будет смотреть порно. Как и его друзья-однополчане, променявшие драгоценные минуты сна, на рассказ об отпуске.

Томкинс замер и, постояв с минуту, вдруг «сдулся».

– Впрочем, все это неважно. Дамы любят брусничный ликер, мужественные рыцари предпочитают водку, но и то и другое, при всей несхожести дает одинаковый эффект – добровольное сумасшествие. Ладно, сейчас чай подам, – Юрка вновь исчез.

И тут я обалдела от неожиданности: на экране возникла та блондинка – мой двойник, в фиолетовых ботфортах и малиновой тройке, из-за которой весь сегодняшний вечер превратился в долгоиграющий кошмар. «Платиновая девочка», назовем ее так, появилась с красивым брюнетом в кабине для просмотра видео и начала профессионально исполнять восточный танец, сбрасывая с себя одежду. Парень выглядел настоящим суперменом, правда, немного карикатурным. Волевое лицо, безукоризненно сшитый костюм, галстук с серебряной заколкой. Блондинка, танцуя, непринужденно растегнула брючный ремень спутника. Внезапно сюжет оборвался и на экране возник джазовый оркестрик, играющий тягучий, как вареная сгущенка, блюз.

Томкинс явился, неся в руках две чашки, тарелку с бутербродами, сахарницу и здоровенную гирию.

– Бутафорская? Откуда? – удивилась я.

Гирия со стуком опустилась на пол, чашки на стол. Тарелочка с бутербродами и сахарница без приключений приземлились рядом с чашками.

Томкинс невозмутимо размешивал ложечкой сахар, не считая нужным реагировать на плоскую шутку.

– Сколько она весит?

– Двадцать четыре килограмма. Слушай, – с какой-то по-тусторонней ноткой в голосе произнес Томкинс, – ты обращала внимание на поведение зрителей в момент нокаута одного из боксеров?

Он достал ложку из чашки и положил ее на тарелку.

– Обращала. Радость на лицах одних, даже восторг. И огорчение других.

– Правильно. Аплодисменты, восторг. По какому поводу? Было неясно, куда клонит Бобби, и это раздражало.

– Ладно, помогу, – прервал паузу Томкинс, – идешь ты по улице и видишь: один человек бьет другого ногой в лицо, тот падает и лежит без движенья. Твоя реакция? – Он взял бутерброд и пододвинул тарелку гостю. – Угощайся. Свежая колбаска. Сам покупал. Так какая твоя первая реакция?

– Отвращение, негодование, страх.

– Правильно, – глаза Бобби заискрились. – А почему, голубушка, когда на ринге один человек практически калечит другого, люди безумствуют от восторга, свистят, хлопают, а, увидев то же самое на улице, испытывают негодование, отвращение, страх? Ведь происходит одно и то же, а реакция разная. Понимаешь? – Бобби откусил половину бутерброда и ненадолго умолк. Прожевав, Томкинс вдруг стукнул кулаком по столу и заорал:

– Звери ручные! Нет! Не звери! Хуже! Те бы молчали!.. Из какой это пьесы? Не помнишь?

Я отрицательно покачала головой.

– Слушай, хочу тебя переключить. А то как-то... не очень понятно.

– Валяй. Чай не барин. – Бобби опять вцепился зубами в бутерброд.

– Откуда эта подборка? – я кивнула головой в сторону экрана, где оркестр сменила барышня в пурпурном платье, обнимающая хобот живого слона.

– Компакт с полки «ЛИЛА». Значит, кто-то из сотрудников фирмы оставил. Для служебного пользования.

Видя на моем лице недоумение, Томкинс пояснил:

– «ЛИЛА» – владелец салона проката, в котором мы сейчас находимся.

– Можно еще раз посмотреть с середины.

– Что, вставляет?³ – засмеялся Бобби и взял со стола пульт.

– С момента, когда появляются блондинка с парнем.

Томкинс скептически хмыкнул, но нашел нужное место. На экране вновь появилась танцующая девушка, как две капли воды похожая на меня. Даже изумруд на пальце такой же. Рядом красивое мужское лицо. Джазовый оркестр.

Томкинс взял гирю, пару раз поднял ее правой, потом левой рукой:

– Зрители радуются не только удару ногой в лицо. Они радуются и бомбовым ударам, не задумываясь, что востор-

---

³ Возбуждает, волнует (молодежный сленг).

гаются смертью детей и женщин. Крысы, перевезенные с материка на остров и искусственно зараженные вирусом, вызывают беспокойство у крыс, оставшихся на материке. Пони-маешь, старуха?! – Томкинс снова перешел на крик. – Крысы сочувствуют друг другу. А люди держат людей в лагерях и делают из них мыло! И проводят на детях медицинские опыты! И делают это не бандиты и сумасшедшие, а высоко-лобые представители развитых наций. А когда заключенные на севере идут в побег, то они берут с собой «коров», то есть таких же людей, только неспособных защитить свою жизнь, с подавленной волей. И едят! Ты понимаешь?! Едят их по дороге.

Он схватил пачку Беломора и, вытряхнув папиросу, закурил, нервно чиркнув несколько раз не желавшей загораться спичкой.

Мгновенно успокоившись, Бобби мягко подытожил:

– А потому Шаламов – гений, и Свифт – гений, и самым излюбленным местом прогулок Джонатана был маршрут Бедлам – Тауэр – Вестминстерский дворец. Психушка – тюрьма – дворец. Хороший треугольник, достойный мыслителя, за что и обвинен в человеконенавистничестве.

Когда Бобби заводится, я выключаюсь. Не могу впадать во всемирную скорбь.

Юрка вещал, а мысли гости вернулись к простыне, укутывавшей, словно белый шарф горло блондинки, когда санитары несли тело девушки на носилках между столиками

в кафе.

Я недооценила Томкинса, решив, будто он живет в своем измерении. Но поняла это, лишь на улице. Попыхивая беломориной, Юрий остановил такси и, взявшись за ручку дверцы, буркнул:

– Будь осторожна. Один из быков показал мне удостоверение лейтенанта гэбэ. А гнались ребята за держательницей притонов и наркоторговкой.

Открыв дверцу, Юрий демонстративно посмотрел на номер машины и, помахав рукой, остался стоять на тротуаре.

Назвала адрес Алены и откинулась на сиденье. Машина рванулась с места, проехала метров триста и повернула вправо. В этот миг стало отлично видно, что Томкинс по-прежнему стоит на месте, как вкопанный.

Я прикрыла глаза. Что мы имеем? В кафе убита блондинка. Далее следует нападение на меня, то есть на Платиновую девочку (не будем забывать о роковом сходстве). Вывод: нападавшие не знали о ее смерти.

Не исключен совсем фантастический вариант: мерзавцы пытались убить девицу, но чего-то испугались и караулили на улице, чтобы довершить начатое. Чушь. Скорее всего, их роль сводилась к страховке на случай неудачи киллера.

Идем по второму кругу. Убита или покончила с собой девушка. Она снята на месте убийства с симпатичным парнем. Этот артефакт хранится в видеосалоне на полке для служебного пользования, непонятно кем оставленный. Почему «на

месте убийства»? Просто она снята с парнем. Съёмка велась в здании, где произошло преступление. Девушку преследуют отморозки, козыряющие удостоверением лейтенанта госбезопасности. Эти люди обвиняют Платиновую девочку в содержании притона и наркоторговле. Какой-то сериал. Бред. Но почему? Жизнь все больше становится похожа на сериалы. Кстати, нельзя исключать вариант, что подонки вообще незнакомы с блондинкой и просто хотели развлечься.

Надо быстрее распрощаться с этим романтичным прикидом, притягивающим отморозков словно магнит.

Интересно другое. Кто снимал и зачем? Кому нужен отснятый материал? И кому выгодно стереть Платиновую девочку с лица чудесной планеты Земля?

Кончик клубка, потянув за который можно добраться до истины, следует искать в кадрах компакт-диска, валяющегося на дне моей сумочки.

Питаю симпатию к молчаливым водителям. И довез быстро.

– Спасибо. Сдачи не надо.

Алена открыла дверь и, ни слова не говоря, ушла в зал. Такой стиль общения между нами со школьных лет, поэтому тоже не обременяю себя условностями. Промаршировав на центр зала, с ходу выпалила:

– Лен, признайся, с кого ты меня (округлый жест руки вокруг головы и груди) копировала?

Алена отложила каталог мебели и взяла сигарету. Не спе-

ша, закурила:

– Анаконда.

У меня внутри все оборвалось. С трудом проковыляла в коридор, разделась и сразу ушла в ванную. Когда полный обвал, лучше всего принять контрастный душ. Горячий – холодный – горячий – холодный. После душа исчезла дрожь и, накинув халат Лены, я как кролик к удаву, двинулась в зал.

Алена вообще обладает магнетизмом. Это у нее природное. Еще в ванной решила рассказать подруге обо всех событиях вечера. Из соображений безопасности: Ленка может завтра надеть этот парик и эту тройку. И в темноте ее так же могут принять за Жанну-Анаконду те же уроды.

Каштанова по-прежнему листала каталог.

– Алена, удели современнице немного внимания. – И на одном дыхании перечисляю все события вечера, утаив лишь имя Томкинса.

Комментарий Каштановой предельно лаконичен:

– Ты вляпалась в грязную историю. В городе наверняка всего две такие куртки и тройки. Второй комплект я привезла из Монреаля по просьбе Жанны.

Довольно безучастный тон, учитывая, что Жанна одно время считалась нашей лучшей подругой. Лена снова уткнулась в каталог.

– Почему? Какие-то подонки сделали попытку изнасиловать девушку, но у них ничего не вышло. Я отдаю тебе парик, костюм, маскарад завершен и нам нечего опасаться.

– Если эта блондинка из кафе не Анаконда, то – да.

Подруга взглянула на будильник:

– Сегодня выяснять это уже поздно.

– А если девушка – Жанна?

Взгляд Алены стал колючим и холодным, так смотрят на человека, с которым не следует откровенничать.

– Ты считаешь, что мне нельзя доверять?

– Наоборот, хочу сберечь подруге нервы. Меньше знаешь – крепче спишь.

Она поднялась с дивана и ушла на кухню. Вернулась с полным подносом и сгрузила на стол чайник, чашки, блюдца, два сорта варенья, мед:

– С шиповником или с мятой? Есть еще чабрец и мелисса.

– По-любому. Лучше с шиповником.

– Вам известно, где последние четыре года работает Жанна? Я говорю «работает» потому что хочу верить в лучшее. – Алена спокойно и твердо глянула на меня.

– Нет.

– В Национальной школе красоты. Топ-менеджером. А какие проекты существуют в этой конторе?

Я опять ощутила себя кроликом перед удавом, но, собравшись с духом, блеснула эрудицией:

– Конкурсы красоты. Городские, республиканские, среди студентов. Кастинги, фестивали, благотворительные акции.

– Это вывеска. Ширма, – не дослушав, перебила Алена. – Реальный кэш зарабатывают на вербовке девушек в бордели

и порносайтах. Бабки крутятся немереные. И Анаконда там не последнее лицо. Поэтому, если та блондинка— Жанна, а за тобой гнались, решив, что это она... Перед нами уравниение со множеством неизвестных. И лучше не пытаться его разгадывать.

У Лены есть свои табу. У каждого они есть, только не все это осознают. Едва речь заходит о серьезных этических патологиях и всплывает фамилия кого-то из общих знакомых, Каштанова обрывает разговор.

Потом мы пили чай и болтали об итальянских работах Кузьмина. Месяц назад Алена купила в ломбарде картину, случайно, просто понравилась. А теперь появились серьезные основания предполагать, что продавец сильно продешевил. Без мнения авторитетного эксперта тут не обойтись, а в городе такого нет. Эмоции били через край. Она созвонилась с приятельницей, архитектором из Москвы, и та пообещала договориться о встрече с искусствоведом, защитившим диссертацию по творчеству Кузьмина.

Алена убрала со стола и унесла чашки на кухню, а я достала компакт и включила видик. Каштанова вернулась и, усевшись в кресло, задымила. Когда в кадре появилась блондинка со спутником, она встрепенулась и попросила еще раз показать крупный план мужчины.

Я выполнила просьбу.

Алена подошла к стенке, взяла фотоальбом и, открыв нужную страницу, предложила взглянуть.

С фото улыбалось знакомое мужское лицо, только чуть моложе. Парень сидел между двумя блондинками. На фоне легких волн. Третья девица стояла чуть поодаль, примеряя легкое летнее платье. Все четверо были в купальниках, слегка пьяны и, похоже, счастливы.

Лена отошла к окну и, открыв шире форточку, облокотилась на подоконник:

– Если все-таки убита Жанна, то единственная девушка из этих трех, оставшаяся в живых, перед тобой. Какой-то брутальный мотивчик вырисовывается, не правда ли?

Ночью, когда я «разгримировалась» и вернулась от Алёны домой, Макс еще не спал, ходил по кухне.

Сбросив пальто, направилась в спальню.

– Тебя можно на пару минут, дорогая? Отвлечь от поисков «зерна»?⁴

Знал бы, чего стоило «дорогой» не впиться ногтями в черты любимого лица.

– Я – спящая красавица.

Ни один солдат в мире не раздевался так быстро. Когда Максим вошел в спальню, он мог видеть только макушку, торчавшую из-под одеяла. Потоптался, хмыкнул и ретировался на кухню.

Лежа под одеялом, не могла уснуть. Жужжала каждая клеточка тела, события последних часов прокручивались в голове.

---

⁴ Термин, обозначающий суть, первооснову образа персонажа.

Уносят девушку. Начинается демонстрация «Ночного портъе». Лариса целует Максима, они поднимаются на второй этаж в отдельную кабину.

Клин можно выбить только клином, иначе можно тронуться. Ты выбрала первое: Антон отправлен за коньяком, забираешь у Вениамина вмонтированную в брелок камеру и... «На брудершафт!», отдельная cabina (на экране Казанова поглощает сырые яйца), Антон страстно дышит, изображая супер-мачо, но Казанова смотрится гораздо экспрессивней.

Уснуть не удастся. Поднялась и, не включая свет, сделала несколько крупных глотков бальзама. Гадость удивительная, зато пришла в себя. Опять пробую собрать осколки последних часов в одно целое.

1. Изменила любимому.
2. В кафе, где мы весело болтали, убита девушка, как две капли воды похожая на Жанну. Или суицид?
3. Не исключено, что погибшая (или все-таки она осталась жива? Врачи-то «скорой» приехали?) наша с Аленой подруга.
4. Лена не хотела одалживать свои вещи. Почему?
5. Весь прошедший день я совершала поступки, находясь практически в невменяемом состоянии. Все вокруг кричало, не делай, но доводы рассудка в расчет не брались. Что это? Мания? Фобия?

В любом случае, происходящее – кошмарно. Но – реаль-

но. Хотя все должно было рухнуть уже в начале, днем. Каштанова наотрез отказалась открыть доступ к ее обширному (папа – меховой король города) гардеробу. Из-за идеологических разногласий.

Девушки стали горячиться. Кратко выраженная доктрина Алены:

– Ты – дура.

Это ее точка зрения. Казавшаяся в тот момент циничной.

Моя – иная. Романтическая. Очаровательный господин безумно нравится прелестной брюнетке. Та желает увлечь своей небесной красотой вышеупомянутого господина. Что в этом плохого?

– В этом ничего плохого нет, – великодушно подтвердила Ленка, помешивая какао. – Если забыть о двух годах совместной жизни господина с брюнеткой и патологичном желании дамы выдать себя за незнакомую красотку. Блин, «Летучая мышь»! Современный вариант.

Теперь, лежа без сна, и заново прокручивая сцену, я отчетливо понимала, что подруга в тот миг не могла решиться на какой-то поступок. И конфорку поэтому выключила слишком медленно, и слишком неторопливо достала чашки. И смотрела Алена не на меня, а сквозь. Даже зябко сделалось. Почему?! Спокойно. Идем дальше.

Чувствуя себя Титаником, терпящим крушение, ты раскололась:

– Господин изменяет своей жене.

– Вы что, мадам, пардон, со свечкой стояли? – Каштанова легонько оттолкнула ногой коричневого бульмастифа Тайсона.

Блефовать с Аленой бессмысленно. Оставался единственный шанс – воспользоваться великодушием подруги. Но для этого надо было откровенно признаться в унижительности своего положения, выставить на обозрение маленькие ветвистые рожки.

Лена снова оттолкнула пса, не отрывая глаз от какао.

Ты вздохнула поглубже и сдала источник:

– Аржановский видел Максима с прелестной длинноногой ундиной, «копна рыжих волос, эротический оскал, мини-юбка. Бархатная, темно-зеленая». Потом, козел подмигнул и запел, пародируя рэпера: «Кино не умрет, пока есть отдельные кабины».

Тайсон живо отреагировал на мой вокальный дар, завилял хвостом и стал тыкать свой холодный нос в бедро гостьи, предлагая поиграть.

Алена разлила какао по чашкам, выключила конфорку, мы переместились в комнату.

Поставив на стол вазочку с домашним печеньем, хозяйка устроилась в кресле.

Безмятежность на лице Каштановой означала твердое «нет».

Надо было немедленно что-то предпринять. Схватив печенье, ты вскочила на подоконник и крикнула в открытую

форточку:

– Где справедливость?! Мужья в темноте?! С юной половозрелой особью?! Удовлетворяют духовные потребности?! А женам отказывают в их священном праве на невинное развлечение!? Мы взываем к Вашей гражданской, сударыня, хоть и дамской, но совести!

Глаза Алены заискрились смешинками. Она достала из цветной коробки свечу и чиркнула зажигалкой. Укрепив восковый столбик на круглой картонной подставке, взяла другую.

Вытаращив глаза, ты раскинула пальцы рук веером.

– Народ требует обеспечить его конституционное право носить маски и участвовать в традиционных забавах! Гоните шмотки, девушка!

Алена подскочила к окну, захлопнула форточку и сдалась:

– Пациент безнадежен.

Согласие было получено, но ты снова почувствовала себя корабликом, налетевшим на рифы. Возможно из-за свеч, зажженных подругой. Лена словно играла в какую-то игру, зажигая все новые и новые. И тогда тебе это понравилось, комната полная живого огня.

Совершенно ясно – подруга не хотела давать свои вещи. Первый случай за годы многолетней дружбы. Почему?

В зале Макс улегся, судя по скрипу «сексодрома» (собственноручно собрал из дубовых досок нечто среднее между тронem и кроватью). Натурщиц хайтек маэстро приводит

в восхищение. Я снова тихо поднялась и приложила к бутылке с бальзамом.

Алена из тех, кто медленно запрягает, но быстро едет.

Малиновая тройка, платиновый парик, темно-фиолетовые ботфорты, кожаная куртка, отороченная волчьим мехом. Искусственная родинка над верхней губой и зеркальные «кисы» дополнили наряд. Пять минут потребовалось, чтобы сделать нужный грим.

Увидев себя в зеркале в полный рост, с трудом сдержала вопль восторга. За спиной стояла Алена и невозмутимо изучала «модель». Ты снова невольно вздрогнула, отметив взгляд подруги, прошедший сквозь.

Дама из зеркального овала напоминала породистого скакуна, не просто участника скачек, но явного фаворита. Слегка изменим губы и линию бровей. То, что надо, а ля Амазонка.

– Стоп! – Алена подняла палец. – К этому нужно добавить... подарок из Лондона, сестра прислала.

Она взяла со столика флакон с духами, и тонкий аромат воцарился в комнате.

– К наряду необходим еще «Мерседес», но суд лишил бедную девушку личного средства передвижения. Придется удовлетвориться общественным транспортом.

Мы обменивались репликами, пялясь в зеркало. Уж больно хороша была глядевшая оттуда дама. В ее облике удачно сочетались сила, даже жестокость, с изнеженностью и том-

ным, немного вульгарным призывом.

Да, теперь я абсолютно уверена, что Лена в те минуты решала какой-то очень важный для себя вопрос. Внешне Каштанова выглядела как обычно, но выдавал взгляд, холодный, пронизывающий, безучастный.

Коллекционер сюжетов

Чужие неприятности – торжество высшей справедливости.

Собственные – злорадная усмешка продажной Фортуны.⁵

Ночной визит Сандры выбил Томкинса из привычной колеи. Он до рассвета бродил по просторным холлам Дома Мод, так и не сев за компьютер. И не быки, не угроза расправы с бывшей одноклассницей взволновали Юрия Абрикосова. Приход Сандры Томкинс воспринял как своего рода черную метку, посланную небом.

Впервые написать о Ней Абрикосов решил десять лет назад. По разным причинам тема откладывалась, исчезая парусом в тумане. Поэтому, усадив Сандру в такси, он совершил марафонский забег по этажам пустынного здания, а перед самым приходом сотрудников набросал несколько строк.

«Некоторые считают меня кретином, но это не так. Объяснять, почему «не так» бессмысленно. Тут же проведут аналогию с алкоголиками – те всегда пытаются убедить близких, что являются просто пьющими людьми.

---

⁵ Здесь и далее эпиграфами служат тексты из романов Б. Томкинса «Долина голубых клонов», «Синдикат Большой Гориллы», «Кудрявая Смерть в лиловатом паланкине», «Война и мир кланов Бронкса», «Тихий патологоанатом из Санта-Моники». В иных случаях дается ссылка на первоисточник.

Поэтому не намерен искать аргументы в пользу своего рассудка. Он в этом не нуждается. Как и я не нуждаюсь в оправданиях поступков.

Птицы летят на юг. Весной в противоположную сторону, то есть обратно. Семга поднимается в верховья рек, чтобы метать икру.

Спросите птиц, зачем они летят на юг. Почему, занявшись аутотренингом, не закалят свой организм для зимовки в нашем климатическом поясе? Ведь столько сил и времени тратится на перелет, сопряженный с постоянной угрозой жизни?

Спросите рыб, отчего они, сдирая в кровь бока, ползут по мелководью, где по непонятной причине серебристые торпеды остановят свое движение?

«Не спрашивай и ты не услышишь лжи»⁶, – красиво сказано.

Не спрашивай меня, зачем пишу это для Тебя.

Спроси у птиц, зачем они летят на юг. И пусть Тебе ответят рыбы, зачем нужно разрывать об острые камни и без того уже окровавленные бока.

И если они ответят, то уже не станешь повторять свой вопрос: «Зачем ты пишешь?».

Мне не хочется видеть этот город, но я живу в нем. Мне не хочется жить в нем, и тогда я стараюсь видеть происходящее так, чтобы все-таки можно было дышать. Так легче».

---

⁶ Изречение китайского философа Лао-Цзы.

Декларация о взаимосвязи угла зрения и дыхания стала завершающим мазком литературной кисти.

Абрикосов поздравил себя с началом работы над темой, вымыл посуду и поставил гирю в шкаф.

Инстинкт подсказывал, быки, преследующие Сандру – шестерки. Они не уgomонятся и не успокоятся. Будут продолжать девушку разыскивать. Из-за чего парни так уверились на бывшую одноклассницу непонятно. Неясно и кто отдал команду «фас». Поэтому самое разумное уничтожить все следы, указывающие на присутствие ночной гостьи. Вплоть до запаха превосходных духов.

Юрий поднял жалюзи и распахнул окна видеосалона.

Утро. Свежее и солнечное.

Еще одна причина мешала Абрикосову испытывать благодушие в связи с окончанием дежурства – сон. Юрий серьезно отнесся к нему, зная по опыту, что верное истолкование дает ключ к пониманию будущих событий.

Перед визитом ночных гостей Абрикосов банально прикорнул на диванчике, стоящем возле конторки дежурного у служебного входа. Сидя. И увидел красивую чистую речку, бегущую по лугу. А в речке – тоненькую серебряную змейку. Вначале даже не сообразил что это змея. Попросту не заметил. Но ее выдала пластика. Змейка не только плыла по течению, но, словно нежась под пронизывающими воду солнечными лучами, свивалась в колечко. И опять развивалась. И от этой вполне невинной пластики отчего-то стало жутко.

Затем речка стала исчезать, а серебряная ниточка вплелась в соломенное украшение и растворилась. Исчезла. А когда это произошло, Абрикосов увидел Смерть. Но не физическим зрением. Просто абсолютно ясно осознал присутствие Смерти.

И даже успел во сне поставить диагноз, сердечная недостаточность. Не было ни врача со стетоскопом, ни замершего на мониторе сигнала, просто похолодел от страха. А страх возник от невозможности дышать. А дышать стало невозможно из-за остановившегося сердца. И он проснулся. Проснулся от ледяного ужаса, сковавшего все тело.

А потом появилась Сандра. И быки.

Из дневника А. Ланской, 16 апреля

Сижу и ничего не делаю, лежу и ничего не делаю. Стою и ничего не делаю. И за это платят нормальные деньги. Что за чудесная работа, удивитесь вы, и будете неправы. Отчасти. Почему отчасти? Это только со стороны кажется легко – сидеть и лежать. А если лежать четыре академических часа? И все на одном боку?

При всей кажущейся простоте работа натурщицы не сахар. Но меня устраивает. Во-первых, можно молчать. Сколько угодно. Во-вторых, можно молчать. И в-третьих, можно молчать. И ни о чем не думать. Или думать. Кому как нравится. Потом идти по улице, не спеша. Или спешить, если торопишься.

Сегодня эта работа кажется подарком судьбы, обнаженка делает Тебя недосыгаемой для уродов. Впрочем, не только для них. Ты – никто. Ничто. И есть несколько часов, чтобы восстановиться. Жуткий вечер и бессонная ночь кого угодно доконают.

Ничто сидит на тумбе и размышляет. Звучит глупо, но дело обстоит именно так. «О чем размышляете?» – равнодушно из вежливости спросите вы, Татьяна Дмитриевна. Раньше, в школе мы вели дневники и читали их подружкам. Я – Тане.

Девичьи посиделки на кухне, настежь распахнутые голу-

бые глаза Танюхи. Огромные. Одноклассница владела редким даром – сопереживать.

Сейчас Т.Д. скучает в Бельгии, а я – «девушка с кувшином». Сiju в полу-лотосе, рядом стоит медный кувшин. Чуть дальше расположился толстый дяденька-ветеран. Какой войны он не сообщает, но аппетит у коллеги отменный, ежедневно пожирает девять пятислойных бутербродов. Три с ветчиной, три с колбасой, три с икрой, о чем громогласно информирует присутствующих.

В этой группе мы работаем обнаженку. В двух других (позирую на трех курсах) у меня портрет и фигура. Кроме дяденьки ветерана в аудитории есть еще экстрасенс, хиппи и программист.

Подиум, на котором девушка с кувшином олицетворяет Восток, прямоугольный, он стоит на четырех полуметровых фанерных кубках. Я соответственно возвышаюсь над студентами, бредущими по тернистой тропе искусства. И постепенно начинаю угорать от истеричного хохота. Разумеется, сохраняя невозмутимый вид.

В самом деле, смешно: сидит голая тетка, глядит на молодых мальчиков и девушек и размышляет о Л... В младших классах никогда не писали это слово полностью.

Нет, мысли о бурном романе, огнедышащих поцелуях и прочих атрибутах романтической драмы не посещают девушку с кувшином. Разве на миг, мелькнут рыбкой, выскокившей из воды, чтобы, коснувшись волос исчезнуть в ноч-

ном море.

И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
когда огонь кипит в крови.

В душе – холод, а в крови – огонь. Вот так.

Еще неделю назад я репетировала главную роль. Но в подземном переходе продавщица цветов с музыкальным именем Элина простодушно сообщила размер месячного заработка. Почувствовала себя аквалангистом на глубине, у которого барракуда внезапно вырвала дыхательную трубку. По закону Мэрфи (если неприятность может произойти, она произойдет) в этот момент директор театра дефилирует мимо. Рядом очередная секретарша, Мила. Кстати, действительно миленькая. У него хобби – менять секретарш. И ламбрекены в кабинете. Раз в квартал.

Увлеченно рассматриваю кактусы. Репетиция еще не окончена, формально могут обвинить в прогуле. Периферийным зрением фиксирую телодвижения руководства.

Выбрав 19 черных роз, официальный секс-символ театра (реально – женоненавистник) галантно подает их Миле. Девица приходит в восторг и на выбритой щеке Кима Михайловича появляется коралловый оттиск женских губок.

Продолжаю внимательно изучать длину кактусовых колючек, лелея надежду остаться незамеченной. Наивная.

– Почему вы не на рабочем месте?

– А на фиг такое рабочее место нормальной актрисе?

У Кима меняется форма черепа (выражение лица у него не меняется никогда):

– Как расценивать ваши слова?

– Реплика персонажа из «Красной книги».

Прощай театр.

Лгать себе занятие бессмысленное, причина разрыва с театром не в деньгах.

Звонок. Студенты оживились. Староста, рыжий мордоворот объявляет перерыв.

Так в чем причина? Макс? Роковой бой-френд?

Пришла пора расставить точки над «и»? Неслучайно Ты сидишь на этом чертовом фанерном параллелепипеде? Неокрашенном.

Бывают мгновения, когда вдруг ощущаешь не случайность, значимость происходящего. Это может быть взгляд или жест, или излишне небрежное прощание. Или пренебрежительный поклон. Ты недоуменно пытаешься сообразить, что стало основанием для подчеркнуто холодного невнимания, но только спустя годы приходит ответ. И ситуация предстает в совершенно ином свете.

Первая встреча с Ним. Осенний дождливый день, небольшая булочная. "Кофейники" – особый народец. Рефлексирующий. Наблюдать за ним наслаждение. Если кто-то из постоянных посетителей исчезает, значит – роман. Как вари-

ант – свадьба. Сколько романтических приключений, жгучих взглядов, коварных интриг вмещает в себя невзрачная булочная на углу пятиэтажки?!

Итак, сцена № 1. Принцесса жует черствый эклер, запивая маленькими глотками горячего кофе. Женский голос за спиной:

– Сандра?

Оборачиваюсь, едва не выронив от радости чашку:

– Карина?! А-а-а! – кричу, – попалась! Где ты?! Как?.. В первый момент я даже не заметила, что бывшая одноклассница не одна. Карина спохватилась и представила спутника. Высокий, элегантно одетый молодой человек, стоящий рядом с ней, оказывается муж. Насмешливый, холодный взгляд, длинные светлые волосы, небрежно спадающие на плечи, манера держаться – копия молодой ОТул.

– Максим, – наклоняет он голову, и волосы падают на лицо. Небрежным движением руки поправляет прическу.

Произношу свое имя и выслушиваю рассказ подружки о свадебном путешествии в Непал.

Разрекламировав обряды аборигенов, одноклассница плавно переходит к актуальной проблеме поиска статуэтки орла. Молодожены торопятся на день рождения друга Макса, а именинник коллекционирует хищных птиц...

Обмениваемся телефонами, и я вновь отмечаю картинный жест руки, поправляющей шевелюру. Остался в памяти и взгляд Макса, равнодушный и одновременно оценива-

ющий, будто сделали рентгеновский снимок.

Звонок. Фантастически неприятный у него звук.

К подиуму, дожевывая шницель, приближается староста:

– Вечерком поработаешь дополнительно? Есть замечательная идея – плакат, посвященный жертвам репрессий.

– Sorry.

Понятливый. Марширует к своему планшету.

Идущий путем воина

*Молодой мерзавец, регулярно медитируя
десятки
лет, неизбежно превратится в старого
мерзавца.*

Есть доля правды в циничной шутке: отличное настроение врача – результат испорченного у пациента. Закон сохранения энергии.

На обязательную утреннюю прогулку Вова Самурай вышел из дома в сквернейшем настроении. Во-первых, ныли зубы. Наглая шлюха своим каблуком задела недавно сломанную челюсть. Кости уже срослись, но, ударь Жанка двумя сантиметрами ниже, Вова снова мог угодить на больничную койку.

Во-вторых, за всю ночь не удалось поспать, а для Самурая недосып являлся настоящей трагедией. Работа охранника в борделе, а именно она приносила качку основной доход, не терпит нарушений режима.

Радовал только вид пластыря на лице. Самурай поработал ножницами и придал ему форму сурикена, метательной пластины ниндзя.

Раньше он по утрам бегал, но теперь предпочитал ходить, решив, что организму следует копить, а не растрачивать си-

лы понапрасну. Истинный воин поражает соперника одним ударом, не дергаясь и не бегая вокруг да около.

Прогуливаясь, Вова тренировал свирепый взгляд на художничках студентах и школьницах.

Убедившись в способности энергетически подавлять соперника, удовлетворенный Самурай вернулся домой и приготовил большую пищу. Кусочки рыбы и колбасы он обильно полил чесночным соусом, добавил грибов и крупно нарезал помидоры. Микроволновка услужливо выдала хозяину горячее блюдо, но ел он без обычного наслаждения. Опять-таки из-за нывшей челюсти. Выпив чашку крепчайшего кофе, направился в отцовский сарай медитировать. Там качок зажег свечу и, усевшись по-турецки, облокотился спиной о деревянный брус. Перед идущим Путем Воина мерцала свеча, а за ней глиняные лики восточных божеств, искусно расписанных Кондратом Репневым, преданным учеником Вовы.

Кондрат учился в вечерней школе, работая помощником в мастерской керамики, поэтому имел возможность делать что-то для себя.

Болезненный парнишка тренировался в платной группе Самурая, с восхищением наблюдая, как накачанный тренер сотрясает ударами макивару.⁷

Как-то парень обратился к Вове с просьбой объяснить, почему у него, Кондрата, такой слабый удар и как усилить мощь

---

⁷ Спортивный снаряд для отработки ударов.

цуки-ваза.⁸

Вместо ответа сэнсей сел на пятки и, прикрыв глаза, впал в транс. Затем жестом руки указал помощнику керамиста на пол перед собой. Испуганный парнишка опустился на колени и зачем-то поклонился.

– Боги Кашима и Катори повелевают тебе стать моим учеником, – мрачно объявил амбал.

– А удар..., – напомнил Кондрат, но Вова жестом запретил говорить. С этого момента парень беспрекословно выполнял все поручения сэнсэя.

Медитируя в сарае, качок представлял себя продолжателем древней самурайской традиции дома Такеда. Никакого отношения к великому полководцу Минамото Есимицу, основателю Дайто Рю Айки Дзюдзюцу,⁹ Вова, разумеется, не имел. И узнай родоначальник дома Такеда о своем продолжателе, наверняка бы явился с того света, чтобы собственными руками придушить самозванца.

Но хитрый Вова информировал о своих духовных контактах лишь посвященных. А в посвященных ходило только трое.

У Самурая имелась веская причина быть скромным – поддельные документы инструктора, позволявшие вести платную группу. Вот почему таинственно сообщив хилым подросткам о своей эзотерической связи с древними, а значит

---

⁸ Прямой удар кулаком (яп.)

⁹ Стилль единоборств (яп.)

и самыми влиятельными богами боевых искусств, Кашима и Катори, Вова подчеркнул:

– Об услышанном – никому.

Благоговейные поклоны учеников, узнавших о духовных контактах сэнсея с небесным воинством, разлились бальзамом по сердцу качка...

Немного вздремнув в полумраке сарая, Вова повеселел и стал соображать, как исправить ситуацию. Среди глупостей, совершенных за последние сутки, особым пунктом стояло исчезновение Жанки-Анаконды около Дома Мод. Шлюха ускользнула буквально из рук. Дурак, хотел сделать все как в кино, обругал себя Самурай. Крутой парень на машине загоняет жертву в тупик, и та в безумном страхе исполняет любые приказы.

Вот момент, когда Дао¹⁰ покинул его!

Сделав три поклона, Вова, не мешкая, выскочил из сарая и направился на место исчезновения Сандры. Пять остановок на метро, подъем наверх и вскоре качок очутился в дворе, примыкавшем к Дому Мод. При дневном свете асфальтовый пяточок оказался зрелищем малоинтересным. Огромная железная решетка, закрывавшая проезд между стеной Дома Мод и «Электроприборами», была открыта, поэтому Самураю не пришлось обходить здание. Потоптавшись вдоль стены, он с трудом подтянулся на руках – так и есть, крупный ротвейлер лежит возле небольшой крытой автостоянки. При

---

¹⁰ Высшая реальность, ипостась Бога (*китайск.*)

виде стриженной головы, появившейся над стеной, ротвейлер с рычанием бросился на врага. Вова не стал искушать судьбу и, разжав пальцы, тяжело плюхнулся на асфальт. Нет, такой сожрет с потрохами. Жанка не могла спрятаться за стеной.

Пустынный серый дворик наводил тоску, и Самурай собрался уходить, как вдруг из стены Дома Мод вылезла мужская фигура. Вылупившийся «коперфильд» аккуратно прикрыл потайной ход и бойко засеменил в сторону озадаченного Вовы.

Самурай страдал близорукостью, поэтому не сразу сообщил, что соотечественник проклянулся из двери, окрашенной под цвет стен здания. Той самой двери, которая ночью подверглась тщательному обследованию.

– За водкой в рабочее время?

«Коперфильд» в ответ лишь презрительно хмыкнул и потрусил дальше.

Вова спустился по ступеням и, отодвинув панель в двери, очутился в освещенном коридоре. Миновав деревообрабатывающую мастерскую, Самурай двинулся к служебному входу.

Отзывчивая вахтерша продиктовала «однокласснику» домашний адрес Юрия Абрикосова, и Вова опять загрузил тело в метро.

Вскоре качок злорадно обозревал нужный номер квартиры. Но, увы, длительное вдавливание кнопки звонка не дало никакого результата.

Самурай впал в ярость и, дабы успокоить дух, решил заняться дыхательными упражнениями. Выйдя во двор, он приступил к дыханию низом живота, но мгновенно пожалел об этом. Грибочки, присланные тетей из Смоленска, оказались лишним ингредиентом в пище.

Вова благоразумно прекратил дыхательную гимнастику, сжал ягодицы, скрестил руки на груди и окаменел. Желудок чуть отпустил, но двигаться с места Самурай не решался. Оставалось делать вид, будто мужчина кого-то ждет.

Чтобы отвлечься, Вова стал внимательно следить за подъездом и продуктовым магазинчиком, расположенным в полусотне метров от угла дома.

Из его дверей вышел мальчишка лет семи, в клетчатой курточке цвета «кофе с молоком», фиолетовом спортивном костюме и кроссовках. В руках пацан держал продуктовый пакет. Он вприпрыжку направился к школьнику, копавшему яму на газоне под окнами. Юный энтузиаст усердно орудовал лопатой и заметил своего товарища только когда тот подбежал.

Рядом с ямой лежал небольшой бетонный столбик. Пацан с пакетом вскочил на него и замахал рукой, словно моряк увидавший землю:

– Салют! Альбертик!

Самурай заставил себя нарисовать портрет мальчика из магазина: слегка курносый нос, припухлые губы, волосы светлые, серо-зеленоватые глаза, немного похож на девчон-

ку. Но линия подбородка и чуть откиннутая назад голова говорят о мужском характере пацана.

Альбертик медленно разогнулся, вытер пот со лба:

– Леш, скоро выйдешь?

Вместо ответа Лешка заторопился к своему подъезду, обогнал медленно поднимавшуюся по ступенькам старушку:

– Здравствуйте.

Старуха не ответила.

Последовавшие за этим события приятно удивили Вову.

Мальчик вызвал лифт, вошел в кабину и стал дожидаться попутчицу. Створки лифта время от времени делали попытку закрыться, но Лешка поставил ногу и, наталкиваясь на кроссовку, они вновь и вновь откатывались на прежний рубеж.

Когда старушка приблизилась к лифту, пацан убрал ногу, створки захлопнулись, а бабушка стала яростно бить своей палкой по дверцам лифта.

Самурай радостно гоготнул. Вид почтенной дамы, матерящейся и колотящей клюкой, поднял настроение.

Вова не мог знать, что стал невольным свидетелем затяжной войны между поколениями. Пенсионерка постоянно гонялась за мальчишками, игравшими в футбол под ее окнами. Один раз проворная старушка даже ухитрилась огреть Лешку сучковатой палкой.

Сегодня удача изменила даме. Пенсионерка долго колодила клюкой по дверцам, а когда кнопка погасла, протянула

руку, чтобы нажать ее. Но та вновь загорелась.

«Неужели маленький негодяй продолжает издеваться над пожилым заслуженным человеком?» – изумилась старуха. Она приложила ухо к дверям лифта. Через равные интервалы слышались удары – где-то на одном из этажей дверцы не могли закрыться.

«Юный мерзавец положил доску, мешающую лифту эффективно функционировать, и теперь мне не попасть к подруге юности», – горестно вздохнула дама, опершись подбородком на свое грозное оружие.

Наверху раздался топот, словно небольшой табун коней спускался на водопой, и лифт загудел. В нетерпении бабушка энергично стукнула палкой по створкам.

Дверцы открылись, и сначала клюка, а потом и ее владелица беззвучно опустились на пол. Теряя сознание, бабушка лицезрела человека в буденовке, галифе, с шашкой на боку, пытавшегося протянуть к ней руки. А мешали этому простыни, скрученные в жгуты, туго перетягивающие гроб на уровне груди и колен покойного.

В отличие от дамы с клюкой Вова Самурай не испугался, но изумился: на усопшем красовался парадный мундир полковника царской армии.

Несколько секунд незнакомец с шашкой, повиснув на жгутах, всматривался в черты лежащей. Потом, нелепо дернувшись, голова в буденовке накренилась вбок, дверцы закрылись. Лифт загудел и снова отправился вверх.

Вова легонько передвинул нижние конечности. Похоже, тревога оказалась ложной. Желудок вел себя вполне законопослушно. Может, зря грешил на грибочки? Успокоившись, качок сунул руки в карманы джинсов и направился в магазин, раз уж приходится торчать здесь, хоть пивка возьму. Все равно ждать этого сторожа Абрикосова. Интересно, как выпутаются граждане, заказавшие такой большой гроб? Вова не сомневался что, по возвращению вновь увидит импозантного усопшего.

Старушка у лифта подняла голову, и качок поймал себя на желании помочь подняться бабке, даже сделал пару шагов в сторону крыльца. Но передумал, еще решит, кошелек хочу отнять. Да и самочувствие не из лучших, а тут наклоняйся, поддерживай. Нечего шляться, блин, если такие нервные.

Тетрадка без обложки в синюю клеточку

*Самая большая опасность в Будущем, это
неизбежная встреча с*

*Прошлым. Мучительно видеть делишки
существа порочного*

*и глупого, вызывающего в лучшем случае
отвращение.*

Мучительно, потому что существо это ты сам.

Рассеянность иногда может оказаться полезной штукой. Устраиваясь на работу, Томкинс автоматически продиктовал адрес сына, чем и обеспечил себе относительно спокойное утро в этот день.

Пока Вова взывал к Дао и проводил комплекс следственных мероприятий, Абрикосов бегал в лесочке, неподалеку от дома: два десятка сосен, вороны и несколько белочек.

Юрий бегал кругами и гнал, гнал от себя высасывающую все силы тревогу. Иногда она превращалась в кошмар, иногда ненадолго исчезала, но всегда возвращалась. Рано или поздно: через час, сутки, через два дня, значения не имело.

Причиной тревоги был сын Лешка. Его здоровье находилось в прямой зависимости от Веры и Виктора. А Виктор периодически подсаживался на стакан, превращаясь из обязательного красавца в садиста. Лез драться, хватался за нож.

Выйдя из запоя, опять становился скромным и благородным. В юности стал чемпионом республики по боксу, потом загремел на зону, ЛТП...

Утром после дежурства, едва войдя в квартиру, Абрикосов стал перебирать свои школьные дневники. Искал запись о первом детском увлечении. О Сандре. Нашел. Ту самую тетрадку.

Вернувшись с пробежки, Юрий открыл краны в ванной, плеснул хвойной пены. Разделся, взял лежащую на столе тетрадку без обложки – о Ней.

Улегшись в горячую воду, Абрикосов перевернул лист.
«...Идет урок. Открывается дверь. Пионервожатая Ольга.
– Арина Игоревна, мы решили – на третьем уроке. Должен быть еще староста. Староста – это я.

Третий урок идет. Тишина пыльная колышется в школьных коридорах. Подхожу к учительской. Стучу. «Да, войдите», – знакомый голос – директриса. Вхожу. «Садитесь, Абрикосов». Сел.

«Что ты можешь сказать об этих ребятах?» – спрашивает директриса (имени не помню, поэтому в дальнейшем буду просто писать Д.).

Я: А что случилось?

Д.: А ты разве не знаешь?

Я: Нет, не знаю.

Д.: А они говорили, тебе все известно.

Они – это Кеша Серенький, Сандра Ланская и Леник Ари-

нин.

Д. была колоритна – то ли цыганка, то ли татарка. Крупная, черная, брови густые, сросшиеся, черные, груди роскошные, размера, конечно, не знаю, но примерно от школы № 2 до кафе «Пингвин».

Смотрю во все глаза на этих головастиков. Выручает Арина Игоревна: «Он не знает».

Д.: Ну что ж, вот и хорошо. Сейчас Кеша и расскажет нам. Начинай, Кеша. Не бойся.

Кеша пускает слезу.

Д.: Ну.

Кеша молчит.

Д.: Серенький, говори.

Кешка: Мы играли в дочки-матери.

Д.: Кто мы?

К.: Я, Леник и Сандра.

Д.: Потом?

К.: Леник вышел из сарая.

Я все это знал. Потому что Леник вышел, а они дверь изнутри закрыли в сарайчике. Этих сараев, сарайщев и сараюшечек там было видимо-невидимо: с замками и бесхозные. Галактика.

Леник говорит им в дырку (Я этот сарайчик хорошо знаю, там три доски выбито): «Откройте!». А они не открывают. Леник обиделся, говорит: «Расскажу вот! Все!». Не открывают. «Нечего было уходить». – Сандра отвечает. Леник оби-

делся еще больше и пошел всем все рассказывать. Про то, что в дочки-матери играли, и как Кешка трусики Сандре снял. Кто-то из мам услышал и понеслось...

Д.: Дальше.

Кешка: обреченно закатил глаза и повторил: «Леник вышел из сарая».

Д.: Дальше. Это я уже слышала, – голос ее натянулся и звенел как струна. – Почему вы дверь закрыли?

Кеша: Сандра сказала: «Закрой дверь».

Д.: Дальше. Трусики. Кто снял трусики?!

Кешка испуганно шепнул:

– Я.

– Как ты снял?! – сдержанно заорала директриса и рубанула рукой по столу.

Кеша стал показывать рукой на себе «как» и тихо произнес:

– По коленки.

– Потом. – Д. овладела собой.

– Она легла на диван, – Кешка называл диваном пару ящиков с наброшенным на них шерстяным одеялом, – а я на нее.

Д.: Ты тоже снял трусы?

Кеша: Да.

Д.: Потом, я спрашиваю, что было потом?!

Тишина оглушала. Пионервожатая Оля, худенькая – кузнечик, сидела на кончике стула прямо как карандаш. Карандаши такие были красно-синие: с одной стороны наполовину

красные, а вторая половина синяя.

Аринин и Сандра уткнулись в пол.

– Ну, – тихо и как-то жутко.

Кеша потно плакал и подергивался:

– Потом я дрыг-дрыг.

– Может, если б я легла, так ты б тоже дрыг-дрыг, – рявкнула Арина Игоревна. – Ты б и меня дрыг-дрыг?

У Арины Игоревны как-то вдруг заалело все лицо и на фоне ее малахитовой кофточки, точнее на контрасте... Алое лицо, зеленая кофта, прямые мужские квадратные очки, сама крепкая, прямые коротко стриженные волосы, зачесанные назад. Такое чувство, что всегда смочены водой и расчесаны железной расческой. Я думал, что люблю мою первую учительницу. Став чуть старше, понял – не любил, боялся. Как догадался про это, что боюсь, так сразу и забыл про нее. Мужа не было. Две дочери. Старшую, с такими же редкими прямыми волосами, мы очень уважали – дочь первой учительницы! Младшая училась со мной в одном классе. Тихая, скромная, чуть пухленькая отличница. Пышная, необыкновенно красивая шевелюра. В 9-ом, или не помню, в 10... нет, в 9-ом классе школу облетела мрачная весть: в боксе погиб молодой водитель – солдатик. Точней, морячок. Они службу проходили на суше, но в морской форме. Парень возил генерала. Загнал «Волгу» в бокс, включил «печку» – дело было зимой. Двери бокса изнутри закрыты – кто ж знал, что они там.

Называется это «угореть». Утром открыли двери – «печ-

ка» работает. Они вдвоем обнаженные. И когда девушку выносили, вдруг волосы отваливаются – голова совершенно лысая, голая. Вот и все о пышной шевелюре. Она осталась жива. Откачали. Солдатик только умер. Арина Игоревна потом как-то осела и без прежнего рвения учительствовала.

Собственно, чего я так подробно о сарайчике? Сейчас попробую. Так. Кешку пожарили, но простили. Сандру водили к врачу. Одни говорили, у нее что-то там не так. Другие – так.

Потом. Я завидовал Кешке. То есть, разумеется, не в учительской, а на ящиках, точнее на... Мне хотелось быть на его месте.

Дальнейшая видимая жизнь Сандры такова. Бегала по району примерно также, как остальные сверстницы. Может быть, только мальчишки прижимали ее в подъездах чаще, чем других девчонок. «Популярность» способствовала. В 6-ом классе появился на ее горизонте мальчик лет 16-ти. Потом матросы. В 8-м она уже не могла пройти по району. Из школы ее не отчислили, хотя директриса и порывалась – отстоял физрук: она все соревнования по легкой атлетике выигрывала. В 9-ом Сандра уехала.

До третьего класса включительно я сидел на одной парте с ней. На второй в среднем ряду. И жили мы с ней душа в душу. Но. Я много ошибок делал по рассеянности: то букву не допишу, то цифры в ответе переставлю, а она, когда списывала, такие ошибки сразу замечала и исправляла. Я был в

нее влюблен. Как в женщину. Но мешало социальное неравенство: разница в общественном положении. Я отличник, а она тройки получает. Даже когда она спишет один к одному, ей редко четверку ставила Арина Игоревна. В седьмом классе я уехал и приехал только на пару месяцев.

Осень. Сандра. Венгерка! Сандра Ланская превратилась в венгерку. Встречаемся на Аллее Героев. Дождь.

– Здравствуй.

– Здравствуй.

Она: Ты учиться опять у нас будешь?

Я: Да. Ненадолго. Слушай, у тебя есть текст песни «Сезон любви»?

Она: Есть. Приходи сегодня ко мне после восьми, я тебе напишу.

Пришел. Мать ее работала контролером на вечернем сеансе. Сандра прелестна: брючки, рубашечка расстегнута. Ничего у нас не было. Ни тогда, ни потом. Комплексы, либидо? Ни фига. И про Фрейда, и про Юнга...»

Абрикосов захлопнул тетрадку, оборвав чтение на середине фразы, и торопливо поднялся на ноги – нужно спешить.

– Ладно, господа! Я принимаю должность. Но уж у меня ни-ни-ни! У меня ухо остро! – бормотал он текст Хлестакова, растираясь махровым оранжево-белым полотенцем.

Муза девушка послушная, но никогда не ждет. Никого. И если уж она посетила Абрикосова, то будь любезен – стройся.

Юрий внезапно поплыл. Сказалась ночная беготня по этажам. Он добрал до кровати и почти мгновенно уснул. Но в тот коротенький промежуток, пока сознание еще бодрствовало, мысленно продиктовал: «Да, забыл Тебя предупредить, в этом моем тексте наряду с живыми людьми равноправными персонажами будут МЫСЛИ. Не все, разумеется. Так они устроены – приходят и исчезают, когда хотят.

Некоторые получили постоянную прописку на кухонной занавеске в квартире сына. Когда форточка или половинка окна открыты, то край занавески полощется на ветру, почти касаясь огня плиты. Поэтому несколько фиолетовых пиявок-мыслей Абрикосова старшего постоянно раскачиваются на нижнем крае бело-красной ткани, вцепившись в нее зубами. От постоянного напряжения челюсти их стали похожи на челюсти французских бульдогов, а выражение глаз не отличается добродушием».

Инна + Леша = Л...

*Детеньшии людей грациозны, непосредственны,
умны. Пригодными к жизни в обществе их
делает
воспитание.*

Лешка, к счастью, не видел мыслей отца. Он завершал обязательный утренний ритуал: закатал штанину и ватой, смоченной в одеколоне, протер бедро. Взял со стола шприц с инсулином, вогнал иглу.

Мурук, взобравшись на стул, внимательно наблюдал за действиями друга, зная, что завтрак начнется после укола.

Лешка положил шприц на стол и принялся «пилить» ножом пакет с молоком. Мурук спрыгнул на пол и, задрав мордочку, мяукнул – быстреей мол, чего тянешь.

Пока блюдечко наполнялось, котенок тыкался носом в ладонь, невольно мешая Лешке. Тот одной рукой оттянул Мурука и, лишь наполнив блюдце до краев, отпустил до крайности возмущенного котенка.

Из кастрюли с кипящей водой вилкой достал сосиску, поставил под нее тарелку (чтобы не капнуть на пол) с гречневой кашей.

Вторую сосиску и половинку третьей забросил в полиэтиленовый пакет из-под молока. Из оставшейся половинки со-

орудил бутерброд и завернул его отдельно – это в школу. Лешка любил готовить, хотя часто получал нагоняй от мамы Веры за не включенную конфорку или обожженный палец.

Бросив взгляд на будильник, съел сначала гречку, потом сосиску. Чтоб не обжигаться.

Ранец собран с вечера, у двери строго приказал черно-белому:

– Мурок, води себя хорошо.

Не вызывая лифта, быстро сбежал по лестнице. На крыльце с удивлением увидел соседей и среди них даму с клюкой. Головы взрослых подняты вверх, на появление мальчика никто не обратил внимания. Не мешкая, направился к темному квадрату подвального окна.

– Катька! Катька! Катька! Кис-кис-кис-кис-кис! – позвал, присев на корточки.

На белый свет моментально высунулись мама Катя и трое котят.

– Как живете, как животик? О, какие вы молодцы, – приговаривал малыш, скармливая сосиски кошке.

– Растем. Скоро в школу пойдете, будете стихи учить, – он поднял правую руку вверх и продекламировал:

Люблю на Кремль глядеть я в час вечерний.

Он в пять лучей над миром засверкал.

Люблю я Волги вольное течение,

Люблю сибирских рек задумчивое пенье,

Люблю, красавец мой, люблю тебя, Урал...

Малыш сбился и выпрямился, пытаясь вспомнить строки, так нравившиеся Музе Анатольевне. Она выбрала эти стихи для внеклассного чтения.

...Что Грузия в цвету, Армения богата,
Что хорошо в Баку и радостно в Крыму.
Я – русский человек, но как родного брата
Украинца пойму, узбека обниму...

Стих он, честно говоря, не выучил. Сложив пакет, засунул его обратно в ранец, и погрозил пальцем котяткам: «Будьте умницами, ведите себя хорошо!».

Пристроив увесистый ранец за спиной, он пересек двор и очутился на большом пустыре, за которым виднелась длинная, почти с километр, каменная стена, маршрут Лешки в школу. Маршрут этот малыш любил, потому что в конце его на третьей парте второго ряда сидела Инна.

И не любил. Нежелание идти в школу чаще всего возникало из-за невыученного урока.

Но сегодня Лешка торопливо пересек пустырь, и фигурка с зелено-белым ранцем на спине стала быстро уменьшаться в размерах, превращаясь в небольшую черточку.

Игрушка Высших Сил

*Бог, нарисованный собакой, имеет хвост,
четыре лапы,
Крепкие клыки, розовую ленту вместо ошейника,
а
перед ним стоит тазик полный ароматных
котлет.*

– Как маятник, – ухмыльнулся Вова Самурай, наблюдая за гробом, раскачивающимся между вторым и третьим этажами. В нем, словно кукла в подарочной коробке, головой вниз стояла загадочная фигура в буденовке. Прошло уже часа три, а ситуация практически не изменилась.

Прихлебывая свежее пиво, качок сочувственно следил за родственниками усопшего на балконе пятого этажа. Пятеро мужчин с трудом удерживали туго натянутые веревки. Вполне благополучно достигнув третьего этажа, гроб внезапно стал неуправляем и та часть, где находились голова и грудь безвременно ушедшего, клюнула вниз. А ноги, таким образом, оказались наверху. Хорошо еще веревки выдержали, а то быть беде.

Собравшиеся внизу криками и советами дружно ободряли родственников, те заметно нервничали. Вова заорал как на футболе:

– Плавней поднимай, блин! Дергает как экскаватор!

Самурай проторчал во дворе полдня, трижды сбегал за пивом, побеседовал с Верой Абрикосовой, вернувшейся с работы. Неудивительно, что качок чувствовал себя среди жильцов своим.

Воздушные приключения гражданина с шашкой впечатлили Вову, он даже инициировал диспут на тему античеловечности архитектуры периода застоя. Владелица клюки поддержала качка, но требование старушки ограничить высоту домов тремя этажами Самурай счел излишне радикальным. Как и призыв сбросить на город атомную бомбу за грехи соотечественников.

Мужик в «Аляске», сидевший на скамейке, обвинил пенсионерку в терроризме. В ответ бабуля с ехидцей порекомендовала гражданину воспитывать супругу: «обратите внимание на график посещений вашей квартиры массажистом Ярославом».

Мужик взвился, но отважная старушка угрожающе замахнулась своим оружием. Тут с неба раздалось дружное «взяли», и все опять задрали головы вверх.

Произошло это как раз в момент появления Абрикосова. И, пересекая двор, Юрий с интересом наблюдал за возбужденной родней, втаскивавшей гражданина в буденовке обратно на балкон.

Обогнув широкую спину бритоголового качка, оравшего: «Левую – майна». Абрикосов исчез в подъезде. Лешка наверняка вернулся из школы и ждет. Юрий ненавидел опоз-

дания.

Провидение руководствуется своими соображениями: Вова дождался Абрикосова и... даже не повернул головы в его сторону.

Когда стало ясно, что в штопор усопший не войдет, продолжатель воинской традиции дома Такеда вновь решительно направился в магазин. Там, потягивая «Речицкое», качок предался медитации, разглядывая ножки девушек. Ею Вова занимался регулярно, не только в статических позах, но и в движении. Благодаря медитациям Самурай развил в себе способность принимать верное решение в любой экстремальной ситуации, чем невероятно гордился. Спонтанность и парадоксальность поведения – признак Мастера. Выбросив опустевшую пивную банку, Вова обратился к Дао с просьбой оценить его, Самурая, состояние и нырнул в кусты около магазинчика. В зарослях свободный от стереотипов адепт дзэна помочился. Застегнув джинсы, Вова получил ответ Дао: «У тебя усилилось Ян, но ослабло Инь»¹¹.

Конечно, здорово было бы схватить этого сторожа сейчас и утереть нос Димке с Андроном. Болваны сразу заткнутся, когда все заговорят о его мощных парапсихологических способностях. Но Дао решил иначе, а ему видней. Значит перво-степенная задача – гармонизация Ян и Инь. Последние дни Вова жил в бурном потоке Ян, забыв про Инь. В результате

---

¹¹ Инь и Ян – женское и мужское начала. В более широком смысле, дополняющие друг друга противоположности (*китайск.*)

дух покоя утрачен. Необходимо скорей ощутить целительную силу Инь.

Вова вылез из кустов и помахал рукой, стоявшему такси. Плехнувшись на место рядом с водителем, хохотнул.

– В Яр, к цыганам.

– Деньги вперед, – мрачно отрезал таксист.

– Никакой поэзии, одна проза, – пробурчал Самурай, отсчитывая бумажки. У Вовы всегда портилось настроение, если приходилось отдавать бабки. Их постоянно не хватало. Будущий мастер Дайто Рю Айки Дзюцу хотел купить настоящий самурайский меч, а он потянет минимум на пару тысяч баксов. А еще Вова истосковался по собственной тачке.

Машина свернула к кинотеатру «Россия» и Самурай вспомнил, что необходимо потратиться на билеты для Малины. Настроение испортилось.

Калина Ардаматская, директор борделя, где Вова работал на полставки охранником, обещала наказать Самурая.

Калина имела репутацию бабы конкретной, отвечающей за базар. «Малиной» называли ее только за спиной, так как боялись и уважали. И обозлилась Ардаматская на охранника за дело. Самурай продинамил двух девушек, не оплатив интимные услуги. Те пожаловались начальнице. Калина до тошно расспросила проституток и убедилась, что имеет дело с заурядным насильником. Вроде бы шутя, Вова выкручивал девицам руки, удерживая в машине до тех пор, пока те не соглашались обслужить «мохнатого шмеля». Ардаматская не

расправилась с охранником на месте только из-за отсутствия свидетелей. Фирма сэкономила, поэтому сотрудник охраны, помимо своих обязанностей, выполнял работу водителя.

Теперь единственная надежда у Самурая оставалась на Филиппа Киркорова. Вова знал, что Калина обожает певца, и рассчитывал билетами на концерт задобрить Ардаматскую...

Качок чертыхнулся и, экономя, потребовал остановить машину возле остановки. Таксист с раздражением вернул деньги.

Втиснувшись на заднюю площадку троллейбуса, Самурай решил, что нет худа без добра. На прошлой неделе в борделе нарисовались две совсем молоденькие девчонки, их можно запугать и заставить молчать. Главное уладить конфликт с Калиной.

В общественном транспорте Вова предпочитал сидеть, поэтому, заметив освободившееся место, сразу устремился к нему. Но злой рок тяготел над охранником в этот день. Желудок вновь напомнил о себе сильнейшим спазмом, заставив Самурая вцепиться в поручень. Кляня судьбу, Вова попробовал расслабиться. Тщетно. Ни волевые усилия, ни медитация не помогали. Пришлось напрягать ягодицы так, что глаза лезли на лоб. Как назло спазмы усилились, когда троллейбус находился в районе театра Музыкальной комедии. Выскочи Самурай в открывшуюся дверь, оказался бы на каменном плацу: справа – вокзал, слева – прямая автострада. Ни

кустика, ни рощицы, нигде не спрячешься.

Вцепившись в поручни, Вова стоял на задней площадке и представлял ледяную вершину Эвереста. Недавно, прочитав статью о погибших там альпинистах, качок поразился свирепости духа горы, уничтожившего стольких спортсменов. Именно с этим мощным духом пытался теперь выйти на контакт Вова, получить у того поддержку. К сожалению, связь не налаживалась, и приходилось рассчитывать лишь на собственные силы, а они таяли с каждой секундой.

Кусая губы, бледный Самурай все-таки добрался до концертного зала. Тут качку повезло, не обращая внимания на вопли дежурного, Вова ломанулся в служебное помещение и исчез за дверью со спасительным треугольником.

Несколько счастливых минут стали наградой за проявленное терпение, желудок, наконец, объявил перемирие. Довольный Самурай немедленно купил два билета и рванул в бордель.

Но в офисе на бритую голову охранника обрушился удар такой силы, что и рези в желудке, и бестолковый день, и недостаток Инь в организме показались рождественскими подарками.

– Чтоб я тебя, адепт вонючий, не видела. Ты уволен, – заорала Калина, едва увидев Самурая, протягивающего билеты на концерт.

По инерции пролепетав:

– Звезда российской эстрады, – Вова умолк.

– Вон, подонок! – Калина швырнула билеты в лицо охранника.

«Подонок» счел за лучшее молча поднять билеты и удалиться.

На улице Самурай неподвижно простоял минут десять, злобно сверля глазами окна борделя. Еще бы – уволен. Ни за что. Вова впал в ступор от подлости руководства, но все же попытался взять себя в руки и найти выход из тупика. И ведь как, гадюка, уколола – адепт вонючий. Сам виноват не надо было трепаться, что являешься адептом дзэна.

Вова стоял, но дилемма не решалась. Самурай принялся бродить возле офиса, злобно пиная мелкие камушки. Все было против него. Все и вся. И последняя капля – увольнение.

Охранник дал волю гневу, громко обматерив чету пенсионеров, эмоционально обсуждавших проблему коррупции в депутатском корпусе. «Старые пердуны» было самым мягким из услышанного старичками, так что торопливый уход четы выглядел вполне логичным.

Вова мысленно послал запрос в космос, прося Дао указать на причины, повлекшие за собой губительные события последних суток. На всякий случай он продублировал просьбу, обратившись к Будде. Индус ответил мгновенно: «Зря вчера съел литровую банку маринованных грибков, присланных тетей из Смоленска».

Дилемма, стоявшая перед Самураем, казалась неразрешимой.

мой. С одной стороны, Вове хотелось женской ласки, организм требовал Инь. С другой – не хотелось платить. Наезд Калины фактически похоронил мечты и надежды охранника на лучшее будущее. Потеряна не только перспективная работа, но и доступ к девицам.

– Подлая тварь, – выкрикнул Вова в сторону офиса.

Внезапно Самурая озарило, Федька Коржик, вот кто поможет снять стресс. Коржик был настоящим реальным ментом и караулил проституток, проходивших принудительное лечение от сифилиса в вендиспансере. Чтобы ночью выйти из отделения и поработать на дороге, девушки бесплатно обслуживали Федьку и его друзей. Охранник вытащил из кармана мобильник.

Из дневника А. Ланской, 17 апреля

Приехала вовремя, но Алена в расстройстве. Ее Тайсон, ее любимый Сони – предатель. Заехали друзья из Киева, и пса будто подменили. Флегматик превратился в нежного друга, трепетного и внимательного.

Совершенно не слушал хозяйку. Два часа, пока киевляне находились у Алены, смотрел в рот Валентину. Стремглав бросался выполнять любую команду, как угорелый носился за «апортом».

Каштанова делилась своим горем, пока я набирала номер Вениамина.

- Вас слушают, – потрясающе респектабельный баритон.
- Слушают и кушают.
- У тебя хорошее настроение?
- Угадал. Сегодня в восемь. Сможешь?
- Буду.
- Жду.

За прошедшую ночь мы обе, не сговариваясь, решили, что злу следует воздать по справедливости. Работала женская солидарность. В этом диком мире, организованном мужчинами, царит жестокость. И неважно, убита наша подруга, или просто незнакомая девушка. Ясно другое – всем безразлична ее смерть.

Алена утром успела потрепаться с приятелем, следователем

из прокуратуры и теперь ждала новостей.

Я готовилась любой ценой довести задуманное до конца. Видимо Лена ощущала эту решимость, поэтому вопрос об опасности, целесообразности даже не поднимался.

Хотя в глубине души таилась тревога. Совсем скоро из человека без опознавательных знаков, в каком-то смысле человека-невидимки, опять предстояло стать Платиновой девочкой, мишенью для подонков.

Мы стали выбирать «доспехи». Остановились на балахоне. Цельнокроеный, черно-зеленый, практически черный. Оттенок зеленого пробивался только при определенном освещении, когда источник света «поглаживал» ткань.

Главное преимущество чудо-балахона состояло в другом: я выглядела в нем так, словно мгновение назад купалась в ночном озере. До сих пор не могу понять, отчего возникало это ощущение. То ли от серебряной пряжки, огромной, крепящейся на левой ключице, почти на плече. То ли из-за покроя, он напоминал короткий плащ римского legionera, наспех накинутый на куртизанку.

– Обувь к этой тряпочке я лично подбирала в Аргентине, – объявила Алена, доставая из большой коробки мягкие полусапожки с ремнями. – Их надо сначала завязать, а потом застегнешь серебряные пряжки.

Вениамин пунктуален, мы буквально столкнулись в дверях кафе.

– Добрый вечер, – скрипач жестом мима поправил несуществующий галстук.

– Ты хорошо знал убитую девушку? Или может ее удалось спасти? – Я говорю про вчерашний случай здесь.

Улыбка исчезла с лица Иволгина, он оглянулся, словно боялся, что кто-нибудь услышит наш разговор. Потом зачем-то потер глаза и предложил:

– Пойдем на воздух, твоих клиентов все равно нет.

– Только вот номерок, заberi, пожалуйста, в гардеробе плащ и шляпку.

Глупо, но всегда испытываю чувство неловкости, если приходится заставлять пожилых гардеробщиц бегать взад-вперед.

Едва выйдя на крыльцо, Вениамин закурил и с обескураживающей прямоотой проинформировал:

– Там (кивок головой в сторону здания) все прослушивается и просматривается. Не поговоришь.

Я молчала, ожидая продолжения.

– С Жанной мы вместе работали в Бахрейне. У разных продюсеров, но в одном отеле. Познакомился я с ней раньше. Первокурсником халтурил на веранде, а там Жанну знали все – королева танцпола. Ты, может, что-то конкретно хочешь спросить?

Значит все-таки – Анаконда. Внутри меня все ходуном ходило. Еще час назад в квартире Алены, когда парик воскресил Платиновую девочку, сердце стало отстукивать несвой-

ственный ему ритм.

Стало казаться, будто вот-вот откуда ни возьмись появится «Птеродактиль» и высунется морда Вовы. Тревога заставила действовать напролом, и я выложила все: об уродах, о компакт-диске, об угрозах и ночной погоне за мнимой Жанной.

Вопреки ожиданиям, Вениамин развеселился.

– Так это благодаря тебе Вова Самурай сегодня с пластырем марширует? – Скрипач снова стал серьезным. – Ты влипла в грязную историю.

Потом, сам того не подозревая, Иволгин процитировал Алену:

– Жанна – отличная девчонка, – переложив потухшую сигарету в левую руку, Веня перекрестился. – Царство ей небесное.

Помолчав, снова заговорил. Монотонно, механически, словно учитель алгебры, вдалбливающий злостному прогульщику материал за весь учебный год.

По ходу монолога, я несколько раз пыталась задать уточняющие вопросы, но всякий раз резкий жест руки останавливал эти попытки.

Услышанное оказалось на удивление стройным описанием деятельности многопрофильного коммерческого предприятия. С абсолютно (внешне) прозрачной бухгалтерией. И ключевой фигурой в схеме выступала Жанна Кононенко. Она контролировала финансовые сделки, участвовала в

кастингах и переговорах. И все бы ничего, но последние несколько лет бизнес-леди мучила все усиливающаяся депрессия.

О депрессии я знала. Года четыре назад мы случайно встретились поздним вечером, и Жанна рассказала о своем разочаровании шоу-бизнесом, гастрольной работой за рубежом. А полтора года назад ситуация повторилась. Опять случайная встреча на ночной улице и двухчасовой рассказ Анаконды о депрессии (вернулась в город после месячного курса терапии в невралгическом диспансере). И еще она много говорила об астрологии, о столкновении с каким-то гуру и общении с монахами, занимающимися коллективными медитациями.

Уже тогда было ясно, что Анаконду всерьез штормит, но лишь сейчас, сопоставив услышанное от Вениамина и Алены, я приблизилась к причине, источнику душевных мук бизнес-леди Кононенко.

Жанна оказалась между двух огней: с одной стороны ее прессовал некто Дядя Толя, требовавший оказания сексуальных услуг. С другой – босс-шизофреник, Виталий Горенко, претендующий на роль духовного учителя.

– И главное, если не везет, так не везет. – Скрипач достал зажигалку и раскурил потухшую сигарету, – она за сутки до смерти попросила одолжить пистолет. Приношу, а Жанна забывает забрать.

Картина, возникшая от рассказа скрипача, разила напо-

вал. Своей патологией. Ненатуральностью. Жанну всегда отличала тонкость, нежное отношение к друзьям, если угодно, рафинированность. Не выдержав, я обрушилась на Вениамина с упреками:

– А тебе самому не кажется бредом, пересказом триллера? Кого она тебе описала? Бледного маньяка, жаждущего в жизни одного – оплодотворить самую красивую женщину в каждом городе? И босса-шизофреника, одержимого видеть у любовницы тотальную преданность? Но это кино?!

– Это жизнь. – Веня нервно дернулся. – Ты совершенно права, такое трудно представить. Но как назвать постоянное желание Виталия совершать половой акт в присутствии сотрудников? А чем объяснить стремление внешне нормального мужчины играть роль девушки, которую насилуют в момент просмотра кинофильма?

Было заметно, что скрипач с трудом сдерживается, чтобы не закричать. Иволгин помолчал, видимо стараясь успокоиться, и продолжил тоном ниже:

– Это – цветочки. Ягодки начинаются там, где Виталий требует медитировать на свой образ и описывать увиденное.

Вениамин вдруг повернулся ко мне спиной и еле слышно выдохнул:

– Повернись, только не резко, делай вид, что целуешься. Горенко, выходит из форда.

Я прижалась к скрипачу, обвила руками его шею и, скосив глаза, увидела молодого парня в стильном темно-синем

с серыми полосками пиджаке и светлых брюках. Тяжелая походка уверенного в себе человека. Мужчина прошел в нескольких метрах от нас и скрылся в дверях полуподвального ресторанчика. Безукоризненно подобранный светло-голубой галстук с заколкой в виде серебряных иероглифов мог свести с ума любую интеллектуалку. Но не это заставило меня повиснуть на Вене и прижаться своими ярко накрашенными «свистками» к его щеке – элегантный незнакомец был вместе с Жанной на кадрах видеокассеты.

Не ожидавший такой пылкости, скрипач обхватил мои плечи, чтоб не упасть и раздраженно зашипел:

– Что с тобой?

– Этот парень трахался с Жанной. На компакт-диске.

– Ты не ошиблась? – Лицо Вени покрыла бледность.

– Землю жевать и здоровьем близких клясться не буду, не надейся.

Только тут скрипач пришел в себя и разжал конспиративные объятья.

– Давай пройдемся немного.

Достав из пачки новую сигарету, Иволгин чиркнул зажигалкой, затянулся, выпустил дым, и мы двинулись той самой улочкой, по которой я убегала от уродов.

– Что получается? – прервал молчание Вениамин. – Есть некий видео-документ, доступный постороннему гражданину? Но инструкция категорически... – Скрипач вдруг замолчал, словно пораженный какой-то мыслью.

Я почувствовала резкую боль в плече и полетела на тротуар.

– Что, сучка, допрыгалась? Щас оклемаешься, будешь соску сосать! – Надо мной склонилось радостное лицо Вовы Самурая с двумя пластырями на переносице и левой щеке.

Заметив попытку Платиновой девушки подняться, он быстро и точно нанес удар милицейской дубинкой, целясь в голову. Скользнув по париксу, дубинка обрушилась на ключицу. Боль пронзила все тело и, блаженно хихикая, Вова снова замахнулся, намереваясь продолжить экзекуцию. Но Вениамин опомнился от неожиданности и перехватил руку уроды. Тот, не мешкая, въехал скрипачу левой свободной рукой в челюсть и музыкант без возражений прилег на тротуар. Этой доли секунды мне хватило, чтобы вскочить на ноги, но Вова проворно развернулся и вцепился своей клешней в рукав плаща. Я рванулась, и противник не сразу нанес удар дубиной, а сначала выпустил рукав и захватил кисть, видимо, боясь упустить добычу. Теперь, уже не торопясь, Самурай занес дубинку, целясь в шею жертвы.

Широкий длинный плащ скрывал мое тело полностью и поэтому удар ногой в лицо для уроды оказался полной неожиданностью. Видимо шпилька попала в то же самое место, что и в прошлый раз, так как рык Вовы почти сразу перешел в вой, а вой сменился жалобным визгом. На этом злоключения супер-мачо не кончились. Поскольку левая клешня Самурая по-прежнему стискивала мое запястье, удар ко-

леном по детородным органам урода стал логическим продолжением борьбы за независимость женщин Востока. Вова прекратил визг, но зато начал хрюкать, выпустил руку девушки и присел, утратив всякий интерес к окружающему миру.

Из «Птеродактиля» выскочил водитель и бросился ко мне. Веня проявил признаки жизни: приподнял голову, а затем сел. Но вместо того, чтобы подняться прижал руку к груди, словно у него схватило сердце.

Второй урод был на голову выше и вдвое шире первого, при этом двигался стремительно и легко. Страх парализовал меня и, наверное, нападавший это почувствовал, так как не набросился, а подскочив, коротко ударил в солнечное сплетение. Я скрючилась и тут же почувствовала, как на запястьях защелкнулись наручники.

Второй урод помог подняться Вове и тот, едва приняв вертикальное положение, свирепо захрюкал.

По-прежнему сгибаясь в три погибели, не в силах восстановить дыхание, я подчинилась боли и свалилась на асфальт.

Предвкушая расправу над беспомощной жертвой, урод приблизился, но то ли Вова невнимательно прочитал свой гороскоп на апрель, то ли астролог подкачал. В любом случае, день оказался не его: раздался негромкий хлопок, и пластырь на побагровевшем лице мачо мгновенно поменял конфигурацию. Как в комиксе. Но эта чудовищная гримаса вполне могла сойти за легкую полуулыбку в сравнении с

воплем, исторгнутым пастью громилы. Он схватился за простреленную ногу и, рухнув на землю, стал дергаться, словно собирался рожать тройню. Секунды шли, но визг и стоны не утихали, наоборот, усиливались.

Второй урод побледнел и злобно глядел на дуло маленького пистолета в руке Вениамина.

– Сними браслеты с девушки, – буднично порекомендовал скрипач.

Водитель мгновенно повиновался.

– Теперь одень их товарищу, а ключи брось на землю.

Я, наконец, смогла сделать несколько вдохов-выдохов и подняться. На всякий случай отошла к сидящему Вене. Иволгин неожиданно предложил:

– Проверь, у тебя в карманах ничего нет?

Опускаю руки в карманы и в одном обнаруживаю два маленьких пакетика.

– Пакетики какие-то.

– Забирай своего товарища и вези к врачу, – великодушно повелел скрипач второму уроду, стоящему по стойке смирно.

Водитель оказался настоящим богатырем. Как пушинку поднял раненого и на руках перенес на заднее сиденье «Птеродактиля». Но едва он выпрямился, вновь раздался хлопок и водитель, точь-в-точь как Вова, взвыл, схватился за ногу и свалился на тротуар. Вениамин выстрелил еще дважды, и колеса с правой стороны дружно зашипели.

Только тут скрипач поднялся и подошел к водителю.

– Помощь не нужна? Сами справитесь? Или вы несовершеннолетние и города не знаете?

– Знаем, – прохрипел водитель.

– Быстро встал, а то детей иметь не будешь. Руки на кабину.

Урод проворно поднялся и застыл, стараясь не опираться на простреленную ногу.

Я с удивлением увидела, как Иволгин умело обыскал карманы водителя.

– Мобильник, паспорт, фото девушки и права получишь обратно не раньше, чем встанешь на путь исправления. Нельзя девочек обижать.

Заглянув в салон машины, скрипач повернулся в мою сторону и, подмигнув, показал внушительного размера ствол.

– Профилактика правонарушений.

– Не жмут браслеты? – участливо поинтересовался Веня у затаившегося на заднем сиденье громилы. – Обыскивать не надо, оружия ведь нет?

Иволгин устроился поудобней на переднем сиденье и, добродушно улыбаясь, предложил сверлившему его злобным взглядом Вове:

– Хочешь, я тебе только правое яйцо отстрелю? Ты не стесняйся, говори.

Лицо урода покрылось капельками пота и Самурай неожиданно загнусавил.

– Ну че ты быкуешь, в натуре? (Звук льющейся воды).

Скрипач вместо ответа повернулся к стоящему водителю и ледяным тоном приказал:

– Сел рядом, Рэмбо.

Тот с трудом, подволакивая ногу, примостился рядом с Вовой.

Не спуская с них глаз, Веня достал из кармана несколько патронов и вставил в барабан миниатюрного пистолетика. Найденный в салоне он бережно уложил во внутренний карман пальто. Прodelав все необходимые процедуры, скрипач вежливо осведомился:

– Вы люди Андрона?

Уроды хранили гордое молчание.

Два выстрела слились в один, и оба громилы схватились за простреленные уши.

– Да! Да! Не стреляй! – заорал водитель.

– И что он хочет от девушки? – невозмутимо продолжил блиц-интервью скрипач.

– Он ничего не хочет! Жанка сама Андрона динамит! – Взвизгнул пластырчатый Вова, тыча пятерней в мою сторону. – Понятий не признает!

Вениамин, не поворачивая головы, громко потребовал:

– Жанна, подними ключ, пожалуйста.

Я сообразила, что необходимо подчиниться и, схватив ключ от наручников, опустила его в карман.

– Конкретно, в чем Жанна динамит Андрона?

На вкрадчивый вопрос скрипача Вова ответил быстро, как будто играл в финале телевизионного конкурса «Угадай мелодию»:

– Это их дела. Она крепко задолжала и обязана обслуживать нужных людей, випов разных.

Скрипач выстрелил и Вова, жалобно хрюкая, схватился на этот раз за левое окровавленное ухо. Внезапно Самурай заплакал и стал громко икать. Сквозь всхлипывания донеслось:

– Фашисты! Вы же фашисты! За что?

– Надо отвечать конкретно, а не абстрактно. «Нужные люди» – кто это?

Через пять минут задушевной беседы Вениамин порекомендовал бандитам простить его некоторую горячность:

– Нервный я, чернобыльский ребенок-инвалид. Волосы повыпадали. Справка дома. Не могу видеть, как малышей обижают. Нас в школе учили: нельзя маленьких, тем более девочек, обижать. Пионер – всем ребятам пример. Должен слабых защищать, согласны?

Вова и водитель были согласны. Уроды качали головами, напряженно ожидая завершения монолога скрипача.

Иволгин умолк, затем выдернул ключи зажигания, снял машину с тормоза и, выйдя из салона, захлопнул дверцу.

«Птеродактиль» двинулся вниз по улице, постепенно увеличивая скорость.

За черными тонированными стеклами ничего не было

видно, но мат стоял такой, что казалось, в салоне автомобиля установлен репродуктор.

– Надо торопиться, – подвел итоги саммита Иволгин, – пока бойцы не очухались.

Старенькая «Джета» скрипача стояла в десяти метрах. Мы сели в машину, развернулись и понеслись по параллельной улице. У светофора Веня притормозил и повернул налево. Возле моста собралась толпа зевак. Не сбавляя скорости, «Джета» промчалась мимо.

– Успех превзошел все ожидания, – мрачно констатировал скрипач.

Перевернутый вверх колесами «Птеродактиль» уродов уже успели вытащить на газон. Рядом стояла машина гаишников.

Несколько секунд потребовалось, чтобы выскочить на Парковую, а вскоре дорога стала петлять вдоль водоканала, и Вениамин сбавил скорость.

– Андроновцы уверены, что Жанна осталась жива. Значит о ее смерти бойцы ничего не знают. Пока. Они приняли тебя вчера за Кононенко.

Я кивнула:

– Слушай, а ведь мы совсем не похожи.

– Не скажи. Обе высокие блондинки, стройные, в очках – Барби. Этого достаточно, чтоб принять за близняшек. В кармане у водителя была фотография Жанны. Скорей всего для опознания. Она не общалась с шестерками.

Иволгин резко вывернул руль, и машина въехала в холм. Железные ворота раскрылись, и «Джета» оказалась на просторной площади, окруженной гаражами.

– Тут мы в безопасности. Относительной. – Скрипач заглушил мотор. – Конечная.

Открыв стальную дверь в кирпичной стене, Веня радушным жестом пригласил войти:

– Прошу.

Вопреки ожиданиям, за дверью оказался просторный холл с мраморным полом, камином и винтовой деревянной лестницей, уходящей вниз.

Хозяин подошел к камину, взял с полочки коробок, зажег спичку и через несколько секунд огонь весело запыхал. Поинтересовавшись, не хочу ли я перекусить и, услышав «нет», кивнул головой в сторону низкого дубового стола.

– Присядем. Тебе известно, где я работаю?

– Да.

– И ты знаешь, что входит в мои обязанности?

– Не совсем.

– Одна из услуг, предлагаемых нашей структурой, проверка супружеской верности. Для этого смазливые девочки и мальчики проходят спецкурс, и по просьбе клиентки или клиента создается ситуация, позволяющая неверной супруге или ветреному мужу показать свое истинное лицо. Естественно, я или другой оператор обязаны запечатлеть незабываемый момент.

Кабины для индивидуального просмотра, а их всего 12, оснащены скрытыми видеокамерами. Это существенно упрощает работу оператора, можно просто скопировать нужный видео-документ.

Но вот любопытная деталь: одна кабина – одиннадцатая, не оснащена ни жучками, ни камерами. Именно там найдено тело Жанны. Странное совпадение, руководитель проекта во второй половине дня отпускает дежурного оператора, в 17.30 все камеры уже были выключены. Я узнал обо всем случайно, когда сунулся к приятелю около шести вечера и никого не застал.

Я молчала, ожидая продолжения.

Скрипач, не вставая с места, протянул руку и вынул из ниши в стене бутылку «Боржоми».

– Налить?

– Спасибо, не хочется.

Иволгин зубами открыл пробку.

– Коронный номер, – и, сделав несколько глотков, закрыл бутылку. – Дальше. Жанна пыталась отравиться снотворным. И знаешь после чего?

– Нет, конечно.

– После того, как она второй раз подала заявление в загс, а жених не явился на роспись.

Видимо мое лицо отразило такую гамму эмоций, что Веня не на шутку встревожился.

– Может, все-таки выпьешь чего-нибудь: сок, кофе, чай?

Есть зеленый.

– Правда, не хочу.

История с бегством женихов от красотки Жанны не укладывалась в голове.

Скрипач понял это и продолжил:

– Я сдавал видео-документы о ее романах. Догнала?

– Нет.

Вениамин досадливо поморщился.

– Оба жениха проходили спецкурс, а госпожа Кононенко была лишь «объектом». Но Жанна-то все принимала за чистую монету. От второго успела забеременеть.

Услышанное шокировало, и я жалобно попросила:

– Веня, ты скажи сразу, зачем все это сделали?

– А чтобы абсолютно, понимаешь, аб-со-лют-но подчинить волю Жанны.

Второе «абсолютно» скрипач произнес по слогам, и это придало слову зловещий оттенок.

– Это долго объяснять, да и не нужно. Есть умники, сыплющие медицинскими или философскими терминами, но что толку? Человека ведь не воскресишь.

Вениамин взял из ниши бутылку, отвинтил крышку, сделал пару глотков. Аккуратно завинтил крышку, поставил на место. Закурил.

Я молча глядела на кольца дыма, улетающие к потолку.

– Ты спросишь, Веня, а что тебя так ломает? Отвечаю: я сам дал в руки руководителя проекта, видишь, как моз-

ги промывают? Вместо того чтобы сказать «мерзавца», я говорю «руководитель проекта». Так вот, имея такую пленку, можно вить веревки из кого угодно. Но самое скверное – паралич воли. Он наступает и у женщин и у мужчин. У этого парня бесспорно дар лидера. Есть, конечно, и знания. Два вуза, защитил диссертацию, владеет гипнозом, в общем, достоинств бездна. И лишь одно «но». У постоянно работающих с ним людей реально отъезжает крыша. И нечасто, но кто-то из сотрудников бесследно исчезает.

– Концы с концами, Веня, не сходятся. Ты спокойно пьешь коньяк и с головой вроде все в порядке.

Скрипач снова поморщился.

– Пью не коньяк, а чай из трав, а крыша не съехала, потому что Виталия знаю как облупленного. Играли вместе еще в «Зефире». Недолго. Гитариста из него не вышло, занялся теорией искусств. Не слишком успешно продавал работы здешних художников за кордон. Потом создал «ЛИЛА»¹². При желании можно расшифровать, но, по сути – это финансовая структура, подчиняющаяся лишь Виталию.

Я не выдержала:

– Веня, черт с ней, с этой «ЛИЛА». Скажи, что делать? В милицию идти?

Иволгин уставился на меня как на умалишенную. Раздался телефонный звонок, но скрипач не двинулся с места.

– Там автоответчик.

---

¹² Игры Бога и его преданных (санскрит).

– Все сделано, как ты просил. Когда сочтешь нужным, приезжай. Привет.

Голос звонившей был мелодичный, даже несколько игривый.

– Я ревную.

Лицо Вени окаменело.

– Время пошло. Звонили в «ЛИЛА» из реанимационного отделения, сообщили Виталию о выписке Жанны домой. Надо ехать. Но сначала хочу предложить тебе посмотреть один документ.

– Жанна жива?!

– Нет, конечно. Не делай круглые глаза, звонок сделан чтобы заставить Виталия нервничать.

Мы спустились вниз по винтовой лестнице в просторное помещение, напичканное аппаратурой.

– Это твоя студия? Кстати, Веня, когда ты успел научиться стрелять? Всегда был классическим пай-мальчиком со скрипкой в футляре.

Иволгин взял со столика пульт управления, включил видеик.

– У тебя память девичья, забыла, как сюда с однокурсниками приходила?

Я обалдела. Действительно, здесь же располагался тир «Буревестника»?! И мы сдавали зачет по стрельбе. А теперь гаражи. Ничего не помню. А Веня входил в сборную.

– Узнаешь?

На экране танцевала Жанна, обнаженная, но по-прежнему в платиновом парике. Тело Анаконды, покрытое золотыми и алыми полосами, двигалось ритмично, напоминая своими легкими покачиваниями, кобру.

Это был не восточный танец живота, а, импровизация, стилизация под индийский. За спиной у танцовщицы горел экран, на нем проплывали длинные планы боевых вертолетов.

Жанна танцевала тему прощания с возлюбленным. Чувственность и пластичность всегда отличали Анаконду.

Но не ритм и не хореография заставили напряжено вглядываться в экран, а место съемок – все та же одиннадцатая кабина. Значит, кто-то принес туда кинокамеру?

Танец завершался призывом к Небу и невидимому возлюбленному, а затем наступил момент, выходящий за рамки моего понимания.

Жанна, по-прежнему танцуя, окутывала тело цветным прозрачным материалом, накидывала на шею алую ленту и, скручиваясь в спираль, превращалась в жертвенное животное, некое мифическое существо, отданное на заклятие. Логическим, смысловым завершением этого вихреобразного движения могла стать только смерть девушки.

Затем следовала маленькая пауза, и в кадре появлялся мужчина, верней его спина. Спина заслоняла танцовщицу, мужчина касался рукой затылка Жанны и отходил. Несколько секунд длилась пауза, затем танцовщица выпрямлялась, продолжая сидеть на коленях, прикрыв глаза и положив ру-

ки на бедра.

Иволгин выключил видик.

– Тебе это ничего не напоминает?

Я проямлила что-то насчет стилизации индийского танца, но Вениамин перебил:

– Не трать слов. Это танец рабыни преданной своему господину, готовой отдать жизнь за него. Больше того, хозяин вправе распорядиться жизнью танцовщицы по своему усмотрению. Например, не позволить подняться с места в финале танца. – Скрипач вынул кассету и забросил на стеллаж между двумя стопками книг, – этот «клип» мне оставила Жанна, когда забыла забрать пистолет. Поехали.

В машине Веня предложил навсегда отказаться от платинового парика:

– Тебя убьют, думая, что убивают Жанну Кононенко. Такие дела всегда доводят до конца.

Его слова лишь усилили желание отомстить Максиму. Двусмысленные отношения стали невыносимы.

Видимо Иволгин уловил мое настроение:

– Не упрямысь. Пойми, воскресшая свидетельница смертельно опасна для Горенко.

Скрипач высадил меня в полукилометре от видео-кафе и «Джета» растаяла в потоке машин.

Хлопнув в бутербродной сотку коньяку, Платиновая девочка стрельнула у бармена сигарету и выпорхнула на вечернюю улицу.

У каждого есть пунктик, приносящий несчастья. Мой – преодоление страха. Каким бы интеллектуалом не был Виталий, а сегодня он выбит из колеи. Получив из больницы ложную информацию об успешном лечении Жанны, шеф «ЛИЛА» будет ждать появления Анаконды на рабочем месте.

Уроды, Вова и водитель, работают на своего босса и Виталию о моих столкновениях с ними наверняка ничего неизвестно.

Лапы подонков прострелены, так что денек-другой можно не беспокоиться, а там парик вернется к Алене и Платиновая девочка исчезнет навсегда.

Едва я поднялась по ступенькам и приоткрыла массивную деревянную дверь, ведущую в видео-кафе, как у крыльца взвизгнули тормоза. Белая «маска смерти», высунувшаяся с заднего сиденья, могла служить примером безграничных возможностей современной медицины. Вова собственной персоной. Водитель, с забинтованной головой, развалился рядом. Новый шофер и четвертый урод пополнили группу захвата. У Самурая на лице появилось несколько свежих заплат из лейкопластыря, превративших качка в персонажа триллера. Быстро зализали раны. Только выпитый коньяк и выпрошенный у Вениамина пистолет позволили небрежно помахать громилам рукой.

Я спустилась в гардероб, разделась и вошла в зал.

Максим в своем роскошном светлом пуловере одиноко сидел за столиком, уставившись в пространство. Пустая

рюмка и блюдо с лимонами делали маэстро похожим на хэмингуэевского персонажа. Увы, только похожим.

Публика оживленно шумела, но почему-то возникло ощущение, что мы вдвоем. Нет, люди вокруг оживленно болтали, но мы с Максом превратились в биороботов.

Я игриво улыбнулась, подошла к столику и, призывно покачав бедрами, романтично поцеловала одинокого мыслителя, с удовольствием оставив след от помады на гладко выбритой щеке. За столик не села, сразу продефилировала к стойке. Незнакомый бармен, совсем еще мальчик, жонглировал фужерами.

Макс галантно помог донести и выгрузить с подноса коньяк, бутерброды, кофе.

– Мы не виделись тысячу лет, – произнесла Платиновая девочка с томным придыханием.

Безумная пошлость фразы вызвала мгновенный отклик в тонкой душе творца.

– Вы всегда покровительствуете бедным художникам?

– Нет, обычный женский каприз. Мечтаю на вечер превратиться в Гала.¹³

Выпили молча.

– Ты сегодня без Ларисы?

Утвердительный кивок.

– Давай закажем «Модернистов», а коньяк возьмем с собой?

---

¹³ Имя супруги художника Сальвадора Дали.

В глазах Макса мелькнула тревога, напор, фактически незнакомой дамы, настораживал. Вероятность появления в любую секунду пластырчатого Вовы Самурая вынудила меня прибегнуть к агрессивной стимуляции рыцаря.

– Ты случайно не моногамный идеалист?

Брезгливая гримаска, сопровождавшая реплику, подействовала как электрический разряд. Максим дернулся и, натянуто улыбнувшись, уточнил:

– Заказать только «Модернистов»?

– Да, желательно в одиннадцатой кабине.

Макс небрежно поклонился и походкой плейбоя двинулся к остриженной наголо девице, принимавшей заказы.

Секунды, пока мы шли через весь зал, поднимались по лестнице на второй ярус и разыскивали дверь с номером одиннадцать, показались вечностью.

И все это время и потом, когда Макс поставил «Модернистов» и выключил свет, когда Платиновая девочка страстно обняла мускулистые бедра и рывком приблизила биоробота к себе, изобразив безумную страсть... Все это время мысленно повторяла наивную мантру:

– Только сними, пожалуйста. Только включись и сними.

Впервые в жизни пользовалась камерой, вмонтированной в кулон, и, хотя Веня дважды повторил, что камера сверхнадежна, воспитанная на телевизоре «Горизонт» и стареньком кассетнике, страшно волновалась, интуиция подсказывала – второго дубля не будет.

Оказывается, месть нерадостна и горька. Может из-за непомерно высокой цены? Потеря любимого. Я злая маска, а считала – добрая.

Главное не думать. Не думать. Последние часы Платиновая девочка не принадлежит себе. Все исчезло, все происходит с кем-то другим. Не думать.

Только ночью, проснувшись дома, пришла в себя и осознала: лежу на диване, ощущаю полную невозможность делать что-либо. Зеленые цифры на циферблате высвечивали три девятнадцать.

Итак? Ха-ха? Мне изменяет муж. А почему смешно? А потому что совершил благоверный сие аморальное деяние тайно, в полумраке, жарко дыша, рыча и потея. Ну и что? Все жарко дышат и потеют, скажете вы, г-жа Пирогофф. Правильно. Согласна. Но не всем дано почувствовать страстный порыв супруга, овладевающего вами не как надоевшей до чертиков «законной», а как желанной, незнакомой, манящей, блестящей, ослепительной, дразнящей, волшебной.

Итак, г-жа Пирогофф, теперь я в одном лице и свидетельница, и коварная обольстительница, и обманутая жертва.

Макс в соседней комнате сладко посапывает. Устал куртизан. Герой многоразового использования.

Все когда-нибудь кончается. Завтра превращается в позавчера, послезавтра в сегодня.

У меня в жизни все как-то вдруг происходит. Готовишься к чему-нибудь важному, вынашиваешь, совершаешь ка-

кие-то поступки, а потом внезапно – бах, трах, шандарах! И все уже случилось. И уже успело стать прошлым. А принцесса была, увы, не готова.

Я так и женщиной стала: любила-любила одного мальчика, можно сказать, с первого взгляда. А отдалась в один вовсе не чудесный и даже не серенький, а просто в один никакой вечер гражданину мужского пола, которого и знала-то пару часов. Смехота. Давно не слышала этого слова – «смехота». Оно откуда-то из детства.

Горький шоколад лысого музыканта

*Отмена смертной казни юридически защищает
высокопоставленных убийц. Поэтому боссы
обождают болтать о гуманности, ценности
человеческой
личности, правах и свободах. Они
действительно ценят
человеческую жизнь. Свою. И отстаивают
свое негласное право безнаказанно отнимать
жизнь чужую.*

Сандра ошиблась в отношении скрипача. Вениамин и не думал самоустраняться из ситуации.

Сандра помнила Иволгина студентом консерватории, любившим выпить одну-другую бутылку шампанского и сыграть на скрипке для друзей. Если собственное исполнение нравилось музыканту, то от переполнявших чувств, Веня срывал с себя носки и швырял их в окно. Почему именно таким образом студент выражал свои чувства, никто не знал.

Загадкой осталось и внезапное исчезновение Иволгина из привычного круга музыкальной богемы города. Вернулся через несколько лет, здорово изменившимся. Вместо общительного кудрявого юноши на городских улицах появился тихий лысый человек. Говорил Веня теперь мало, часто пе-

реходя на английский. В гости скрипач ни к кому не заходил, к себе не приглашал, а единственное место, где Иволгин появлялся регулярно – зал борьбы в школе олимпийского резерва. Там вел занятия у дзюдоистов знакомый тренер, и в это время скрипач мог тренироваться бесплатно. Иволгин не боролся, только разминался в уголке зала, кувыркался, растягивался, словом ОФП.

Один раз, правда, о Вене заговорили, музыканта стали часто видеть в барах с Анакондой, и среди знакомых прошел слух о свадьбе. Но Веня вдруг запил, а Жанна чуть не вышла за молодого красавца. В последний момент свадьба почему-то расстроилась.

Иволгин взял отпуск за свой счет и ушел в запой. Пил по-черному, но через месяц прекратил и снова стал тихим незаметным служащим.

Если бы самого Вениамина спросили, как из живого общительного крымчанина, он превратился в безмолвное, лысое, тусклое «это», скрипач вряд ли счел нужным ответить. Иволгин давно воспринимал мир как музыку, а о музыке лучше говорить языком нот.

Но кровь мамы пианистки и явный дар божий не сделали Иволгина мировой знаменитостью. Аукнулась отцовская линия: папа Вени еще подростком ходил в одиночку на тигра, а, став главным инженером засекреченного военного завода, светскими манерами так и не обзавелся.

Окончательно блестящее будущее Вениамина-музыканта

перечеркнули очертания бюста, пухлые губы и синие глаза однокурсницы из Бельгии. Льянные кудряшки, стройные ножки, свадебный марш, рождение ребенка, распавшаяся семья. О классической музыке пришлось забыть, все свободное время уходило на заработки денег.

Получив диплом, Веня исколесил пол-Европы. Играл в Белграде и Хельсинки, в отелях Бахрейна, Анталии, клубах Нью-Йорка и Чикаго. Успел поплавать на подводной лодке и поработать инструктором в Альпах.

Время выставило суровый счет. Но, потеряв кудри и веру в неизбежное торжество гуманистических идеалов, Иволгин сумел сохранить традиционную сексуальную ориентацию и понятие о чести.

Не книжное, а уличное: если тебя ударили по левой щеке, нырни под руку бьющего и ответь правой в челюсть, левой по печени.

События последних суток многое прояснили скрипачу. Теперь понятно, отчего Горенко предложил воспользоваться горячей путевкой в Египет и щедрыми премиальными. Отпуск начался еще позавчера, а из Москвы счастливый обладатель турпутевки должен вылететь завтра. Поэтому билет на поезд Веня возьмет обязательно, сегодняшним числом.

В железнодорожных кассах Иволгин задержался на считанные минуты, а потом загнал машину в гараж и с пересадками добрался на окраину города. Там в двухэтажном особняке армейского друга, он провел пару часов, неспешно бе-

седуя за чашкой чая о своем отпуске.

Домой скрипач ехал в 600-ом Мерседесе, облаченный в новенький спортивный костюм. Оставив машину в двух кварталах от дома, Иволгин надвинул на глаза капюшон и, сгорбившись, подволакивая ноги, словно старик, зашагал к своему подъезду. Если кто-нибудь из знакомых и видел скрипача, то ни за что не поверил, что косолапый горбун, хрустящий тонким ледком на лужах, и есть всегда подтянутый, спортивный Веня.

У подъезда и в лифте повезло, никого из соседей не встретил.

Ни вечером, ни под утро, когда скрипач закончил расчеты, напоминавшие задачки по физике в старших классах, он ни на секунду не усомнился в принятом решении.

Всю ночь в Вениной голове постоянно возникала картина последнего свидания с Жанной. Она стремительно вошла в холостяцкую квартиру Иволгина, смеюшаяся, словно героиня мюзикла. И протянула перевязанную розовой лентой кассету: «Вскрыть в случае моей смерти».

Под лентой лежала шоколадка с изюмом и орехами, Веня их обожал. Эта шоколадка по-прежнему лежала на столе, при одной мысли развернуть ее, становилось нехорошо.

В тот момент Иволгин лишь усилием воли заставил себя поддержать разговор в шутливо-беспечном тоне. Возможно, Анаконда забыла свои ночные монологи в Бахрейне, но скрипач помнил отлично. И все последние недели за лег-

кой непринужденной болтовней преуспевающей бизнес-леди улавливал сигнал, одинаково понятный морякам любой страны – SOS.

Сейчас он проклинал себя за малодушие и трусость. Именно так – малодушие и трусость. А ведь еще вчера это казалось мудростью.

Ночь без сна для музыканта дело привычное, и по пред-
рассветному городу Мерседес Вени катил неторопливо, Иволгин продолжал обдумывать детали предстоящей помолвки Горенко.

В отличие от Анаконды, он давно догадался о готовящейся замене: два месяца назад Горенко стал много времени уделять молоденькой бойкой девице Машеньке Корневой. Кроме привлекательной внешности Машу отличало яростное желание сделать карьеру.

И Виталий влюбился в Корневую, как в древней легенде скульптор увлекся своим творением. Девушка тонко играла на амбициях хозяина «Ли́ла», изображая преданную ученицу.

Неделю назад Горенко выдал скрипачу тысячу долларов и попросил в кратчайшие сроки дать девушке несколько уроков сольфеджио. Изумленный Веня взял деньги, благоразумно воздержавшись от комментариев.

Следующий легкий шок Иволгин испытал, когда босс пригласил его принять участие в разработке сценария помолвки с Машей. Любые идеи Виталия с восторгом принимались молодыми сотрудниками, но Веня мысленно обозвал

готовящуюся акцию хренью и тихо слинял. Деликатно сославшись на температуру, оговорил свое неучастие в свадебном шоу.

Виталия это обрадовало, так как идея найти самую высокую точку в городе и там совершить театрализованную помолвку, принадлежала ему. Виталий окончил берлинскую школу рекламы, чем невероятно гордился. Но полученные знания лежали мертвым грузом, и босс «ЛИЛА» расцветал, когда имел возможность где-то их применить. В такие моменты Горенко чувствовал себя крутым дизайнером, даже если речь шла об определении количества канцелярских наборов для фирмы. Неудивительно, что сотрудники восхищались каждым перлом босса, а невеста просто таяла от счастья, видя подобострастное заискивание окружающих.

Умненькая Маша Корневая не питала иллюзий, но участие в рекламной помолвке давало шанс «засветиться», ответить на вопросы десятка журналистов, в конце концов стать официальной любовницей богатого человека. Подружки сойдут с ума от зависти. Пусть рекламная помолвка похожа на настоящую как плюшевый мишка на живого Потапыча, зато мир будет у твоих ног. Акулы пера, фотообъективы, слава, высший свет – одни эти слова делали ее самой счастливой девушкой на свете.

Жених заказал четыре кабриолета, от парадного входа университета нарядные лошадки доставят молодых, наряженных в костюмы принца и принцессы, и журналистов к

Дому Мод. Крышу здания венчает многометровый шпиль. У его основания, на небольшой площадке и состоится историческая помолвка. Там же блиц-интервью, фотосъемки и фуршет.

Для Маши, провалившейся на первом туре конкурса «Мисс Университет», предстоящая акция казалась пределом мечтаний, пропуском в мировую элиту шоу-бизнеса. Впрочем, что можно ожидать от наивной первокурсницы, начитавшейся глянцевого журналов.

– Ну что ж, ну что ж, – угрюмо пробурчал скрипач, едва не протаранив подрезавший его джип. В другое время, Веня наверняка прибегнул к нецензурной лексике, но сейчас все мысли были поглощены помолвкой. Скрипач снова и снова «проигрывал» партитуры всех участников действия.

Жених высокого полета

Мечты имеют свойство сбываться. В этом причина большинства наших несчастий.

Гений – это нескромно. Виталий Горенко уже несколько лет кокетливо называл себя вирусом интеллектуального потенциала человечества. Определение родилось в момент знакомства с преподавателем ТРИЗа¹⁴ Береговым. Первая же лекция о применении данной методологии в бизнесе перевернула у слушателей представление о мире и о своем месте в нем. А когда Горенко освоил упражнение «Золотая рыбка»,¹⁵ то радости неопита не было предела.

Наставник действительно владел даром убеждения, заражая учеников верой в непогрешимость методологии.

Виталий, решив, что буквально поймал золотую рыбку, шаг за шагом стал продвигаться по карьерной лестнице. Герман Вадимович Берегов всячески поддерживал коммерческие начинания упорного ученика, смиренно умолкая, когда речь заходила о ликвидации людей.

Конечно, все облекалось в наукообразные формулировки

---

¹⁴ Теория решений изобретательских задач.

¹⁵ Упражнение направлено на развитие способности добиваться поставленной цели. Любые мешающие этому обстоятельства и силы рассматриваются лишь в качестве легкоустраняемой помехи.

и сдабривалось морализаторскими сентенциями. Ничто так не увлекает дилетантов, как болтовня о «достойной цели», возможность причислить себя к «избранным», «просветленным», «посвященным», «элите».

Первой жертвой стала подруга Анаконды, когда девушки отправились в далекую южную республику оформлять сделку по доставке в город эшелона с азербайджанским коньяком и винами.

Жанна сумела сбежать из притона, а подругу, наотрез отказавшуюся обслужить клиента, убили.

Тогда Виталий сумел уговорить поставщика прислать дополнительный товар на реализацию, помог Жанне вернуться обратно в Минск, и полностью рассчитался с кредиторами.

Никто кроме поставщика, Берегова и самого Горенко не знал, что девушек «кинут». Разумеется, Виталий не рассчитывал, что подругу Анаконды убьют. Инсценировка ограбления не предполагала летального исхода менеджера. Но изнасилования и пары ударов ногой по голове хрупкой горожанке оказалось достаточно.

Всего этого Жанна не знала, считая Виталия Горенко своим спасителем: связался с аэропортом в Адлере, организовал билеты, а самое главное, не повесил огромный долг на оставшуюся в живых девушку.

Мгновенно превратившись в преуспевающего молодого бизнесмена, Виталий вложил деньги в водочный бизнес и зарегистрировал «ЛИЛА».

В отличие от большинства трудоголиков, Горенко безупречно планировал свой рабочий график, подчинив все наслаждению. Наслаждению от достижения поставленных задач, от сексуальных услуг девушек, жаждущих понравиться реальному хозяину Национальной Академии красоты, наслаждению от власти.

И вот, очередное подтверждение успешной судьбы: он в белом костюме восточного принца, украшенном искусственными бриллиантами, рядом великолепная телка. Молодожены стоят на самой высокой точке города и смотрят в фотообъективы кретинов, делающих из обыкновенных граждан, Виталия и Маши, небожителей. За копейки.

Что значит жить в партизанской республике!? Надо иметь лишь талант, воображение и разум.

А сегодня вообще все сошлось. И погода не подкачала, и замечательный прогноз персонального астролога Севы, гарантирует наилучшие результаты всем начинаниям этого дня. Тревожит только исчезновение Анаконды из больницы, и дома Жанны нет. Но это техническая проблема. Решим завтра.

Папарацци работают как по нотам, дежурно повторяя заготовленные вопросы. Сообразительная Маша бойко тараторит заученные фразы, прямо кинозвезда. Всего лишь бутылка водки потребовалась, чтобы всю тусовку пропустили на крышу Дома Мод. Хотя акция чуть не сорвалась, минут пять упорствовал, не желая пропускать к лифту, старый охран-

ник. Наверно бывший чекист, а может просто сволочь.

Лицо Виталия источает благодушие, никто из окружающих не предполагает, что у босса «ЛИЛА» все под контролем. Тревожит только неудавшееся устранение Жанны, ее уход из больницы. И дома Кононенко не появлялась...

Какого черта Верка Сердючка тут вошкается? Зачем вообще этот местный пародист тут появился? Ладно, пусть веселит народ. А вот Маша чересчур увлеклась болтовней с высоким брюнетом из «Новостей».

– Машенька, ревную, – Виталий нежно взял под локоть девушку, привлек к себе, – что там у нас дальше по сценарию?

Маша, счастливо улыбаясь, потерлась бедром о ногу хозяина, зеленые глаза выдали клятву превратить жизнь суженого в нирвану.¹⁶

– Сейчас поднимется шар и воздушный змей с поздравлениями на английском.

– О'кей, точно. – Горенко с некоторым беспокойством оглядел панораму города: с высоты двадцать первого этажа вид и в самом деле восхитителен. Отчего же тогда возникает беспокойство? А, вот в чем дело: тревогу вызывают несколько горнолыжных тросов и катушки возле невысоких заградительных парпетов. Зачем так много, неужели нельзя было обойтись меньшим количеством?

Неожиданно громко заиграла музыка и Верка Сердючка

---

¹⁶ Блаженство (санскрит).

объявила в микрофон:

— Брак — это кольцо, сначала на руке, а потом на шее. Но окольцованная птица тоже летает.

За плоской остротой последовал такой же хит. Сердючка запела под фонограмму «Хорошо! Все будет хорошо! Все будет хорошо, я это зна-а-а-ю». И танцуя, надела на молодых два полуметровых, раскрашенных золотой краской бутафорских кольца, декорированных изящными «букетами» из тонкого тросика. К кольцу невесты были привязаны восемь разноцветных шаров. Один — огромный, она должна была отпустить в небо, перерезав широкую алую ленту.

В руки жениху Сердючка сунула конец толстого шелкового шнура, а сама, пробежав через всю площадку, запустила полутораметрового воздушного змея, желто-красного, с иероглифами «Лила» и поздравлением на английском.

Запуск змея прошел удачно, и Виталий наслаждался, ощущая силу воздушного чудовища, поднимавшегося все выше и выше. Он невольно бросил взгляд в сторону катушки, с которой сбегали шелковые кольца.

Маша, получив от Верки Сердючки ножницы, с легкой грустью ожидала сигнала перерезать ленту огромного лилового шара. Он взлетит над городом, символизируя кульминацию акции.

Зажигательный танец Верки Сердючки продолжался, но восторг журналистов внезапно сменился ужасом: войдя в раж, она схватила большую спортивную сумку, влезла на па-

рапет и свалилась вниз. Ни Маша, ни Виталий не могли этого видеть, так как Сердючка танцевала у них за спиной. Зато, когда раздался визг молоденькой журналистки из «Учительской газеты», все присутствующие, включая невесту, бросились к парапету. Ужас на лицах сменился восторгом: на высоте шестого этажа парило платье живой и здоровой Сердючки.

Девичий вопль заставил присутствующих оглянуться на невесту: бледная Маша стояла, прижав ножницы к груди, и на одной высокой ноте повторяла:

– Мамочка! Мамочка!

При этом девушка не отрывала взгляд от шпиля дома Мод, на котором в золотом кольце дергался Виталий. Стальная петля сдавливала горло жениха, а сам трос был пропущен через железное кольцо, укрепленное на шпиле. Противовесом жениху служила Сердючка, по-прежнему болтающая ногами и руками где-то далеко внизу.

Папарацци защелкали затворами фотокамер и принялись набирать номера телефонов редакций. Опомнившаяся журналистка из «Учительской» первой набросилась на Машу, требуя комментария, но та лишь качала головой, не в силах вымолвить ни слова.

Виталий несколько раз дернулся и, наконец, жуткий танец завершился.

Невеста в трансе приблизилась к широкой ленте и перерезала ее ножницами. Сделав это, Маша побледнела и без сил

опустилась на цементную плиту, а огромный лиловый шар стал быстро подниматься.

Репортер из «Панорамы» вместе с фотографом побежали вниз, брать интервью у Верки Сердючки. Остальные, шокированные увиденным, пытались найти связь между полетом вниз Сердючки, и вверх Виталия.

Спокойствие сохранял лишь гей Варлам Либидик, склонный к полноте коротко стриженный хореограф. Босс «Лила» приказал ему усиленно заниматься танцами с невестой, и следить, чтобы манера держаться Марии Корневой-Горенко соответствовала европейским стандартам.

Варлам, не отрывая взгляда от качавшейся в небе фигуры, сразу набрал номер мобильного приятеля, капитана милиции, и с нетерпением ожидал появления молоденьких мальчиков в форме. Либидику до чертиков надоели голубые из местной тусовки, а вот мальчики в беретиках вызывали прилив нежности. Кроме того, исчезновение босса таило потенциальные преимущества (Виталий был натурал): кто знает, вдруг появится более продвинутый, современно мыслящий шеф.

Маша механически выпила шампанское, поданное брюнетом из «Новостей».

– Успокойтесь, пожалуйста, возможно Виталий жив, – промямлил журналист.

Девушка со страхом глянула вверх и удивилась: костюм принца в некоторых местах потемнел, а в панталонах что-

то неприлично торчало. В романах и фильмах физиологические подробности принято опускать, поэтому слабая надежда шевельнулась в душе невесты.

Журналист, ободрявший Машу, проследил за ее взглядом и отвернулся. Шансов ноль. Парень ощутил тошноту и, облокотившись на парапет, закурил.

О том, чтобы попытаться снять Виталия самостоятельно, без милиционеров, никто даже не заикнулся.

Вернулись обескураженные ребята из «Панорамы» и сообщили:

– На шестом этаже к перилам лестницы привязан трос, но сама Сердючка исчезла.

Блюстители порядка, прибывшие к центральному входу, видели ее. Когда brave милиционеры стремительно бежали вверх по лестнице, навстречу спускался парень с перекинутой через плечо объемной спортивной сумкой. В адидасовском костюме, капюшон куртки надвинут на глаза. Но по лестнице всегда поднимаются и спускаются люди, естественно, никто не обратил внимания на молодого человека.

Вениамин, а это был он, неторопливо пересек улицу, спустился в подземный переход и проскользнул в двери метро. Бросив жетон, шагнул на ленту эскалатора.

Электричка появилась сразу. Иволгин втиснулся в переполненный вагон, уткнувшись макушкой в бюст высоченной шатенки. Бугай, обнимавший бедра девицы, сверлил скрипача ревнивым взглядом и, проехав две остановки, Веня был

почти счастлив, выйдя из вагона.

Очутившись на улице, он потопал к расположенной в ста метрах платной автостоянке. Мерседес радостно отозвался и Вениамин, открыв дверцу, сел на водительское место. Захлопнул дверцу. Включил обогреватель и несколько минут сидел, откинувшись в кресле, прикрыв глаза, подавляя непонятно откуда взявшийся озноб.

Бессонная ночь, спуск в экстремальных условиях, серьезная доля риска. Иволгин старательно гнал от себя мысли о происшедшем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.